Basov-
Verkhoiantsev, S.

Konek-skakunok

[Moskva]

1935

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET

PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCl00051.06

Control Number: BGL-1263
OCLC Number : 13278926
Call Number : W 381.5917M B293k1
Author : Basov-Verkhoiantsev, S. (Sergei), 1869-1952.
Title : Konek-skakunok / S.A. Basov-Verkhoiatsev ; ris. N. Zinov'eva.
Imprint : [Moskva] : Izd-vo Sovetskii pisatel' 1935.
Format : 224 p. : ill. ; 21 cm.
Note : Illustrated t.p.
Contents : Konek-skakunok -- Korol Buben -- Kalinov-gorod
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: AR

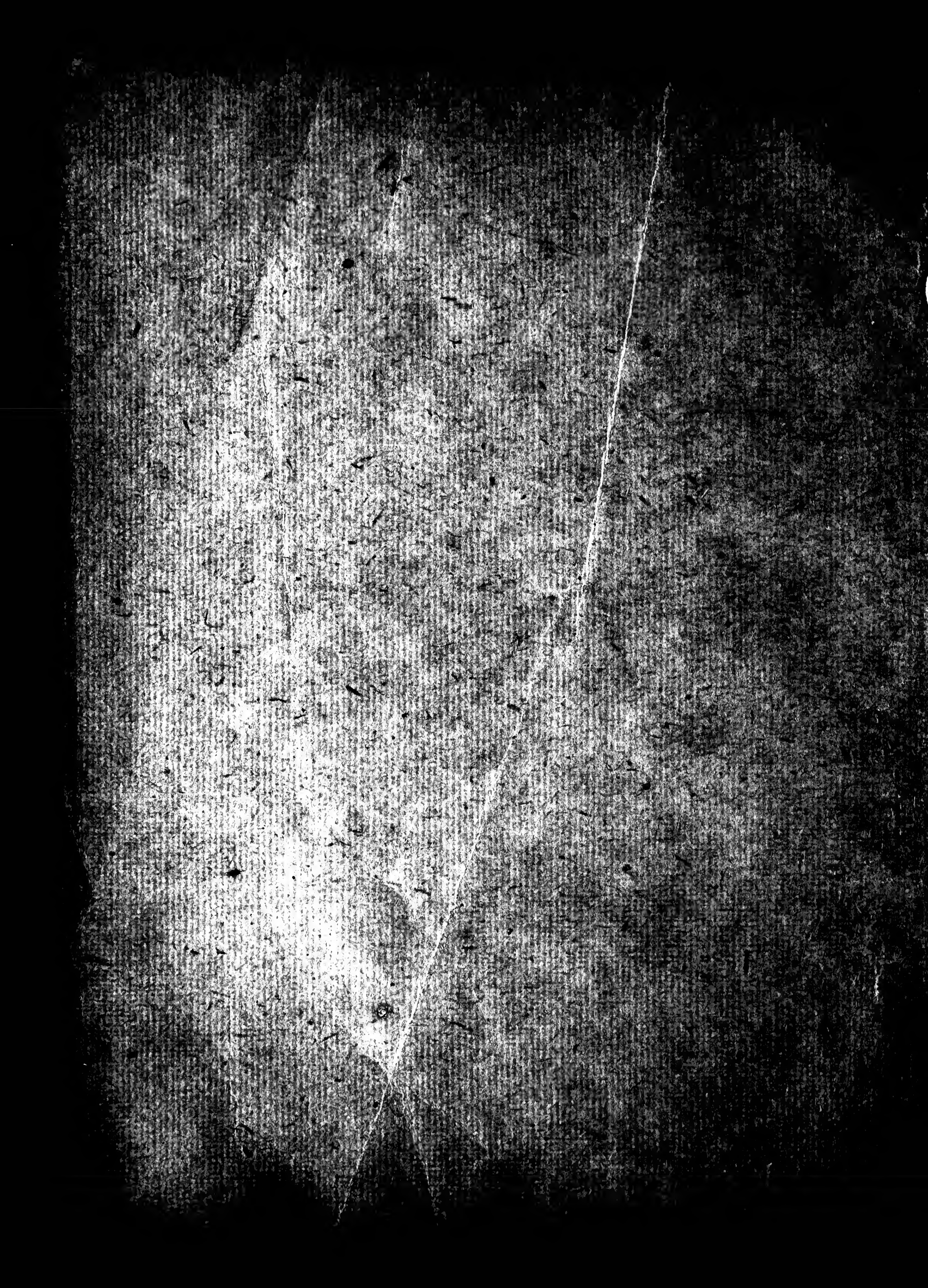
…АСОВ

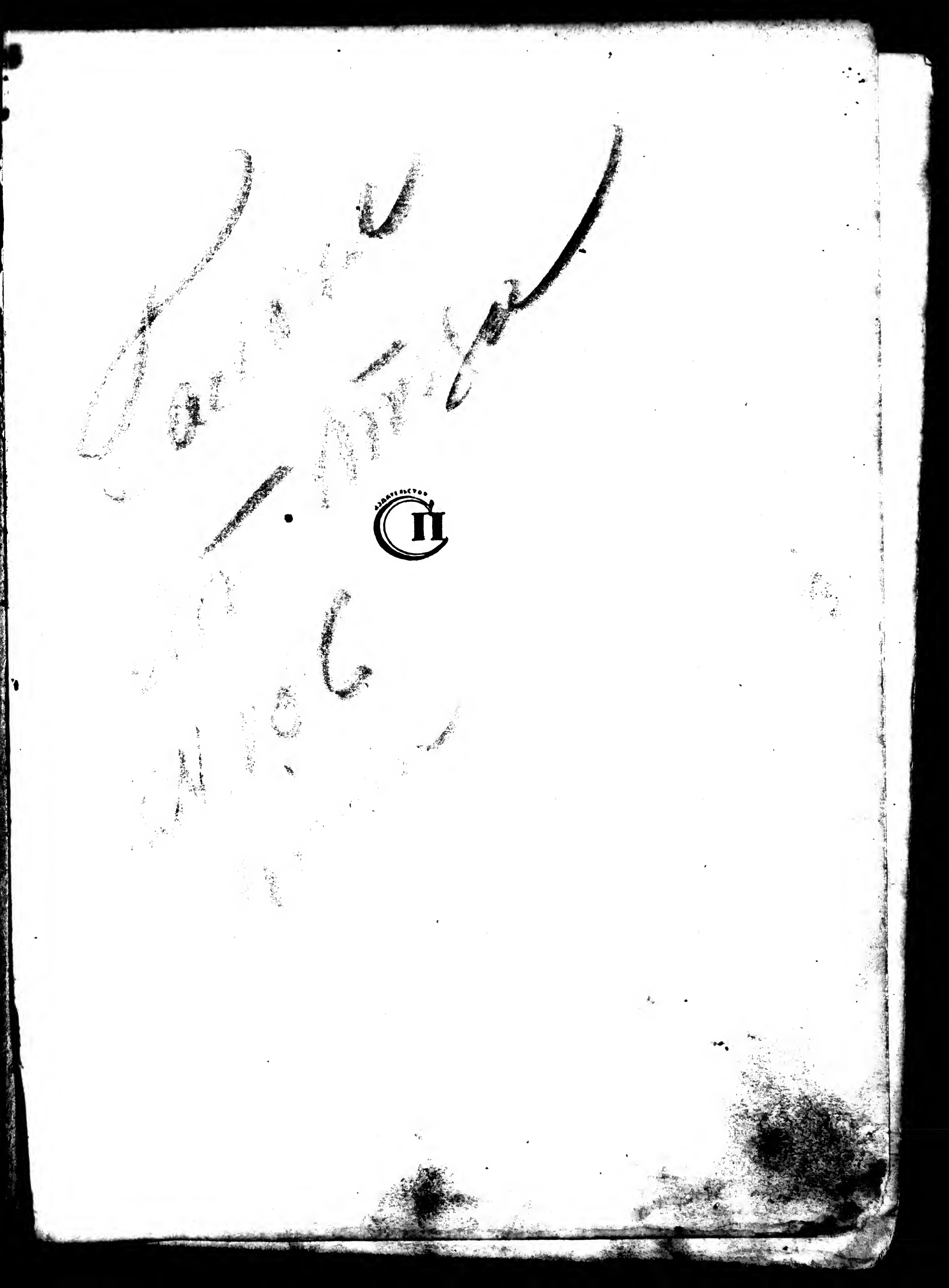
…НИЦЕВ

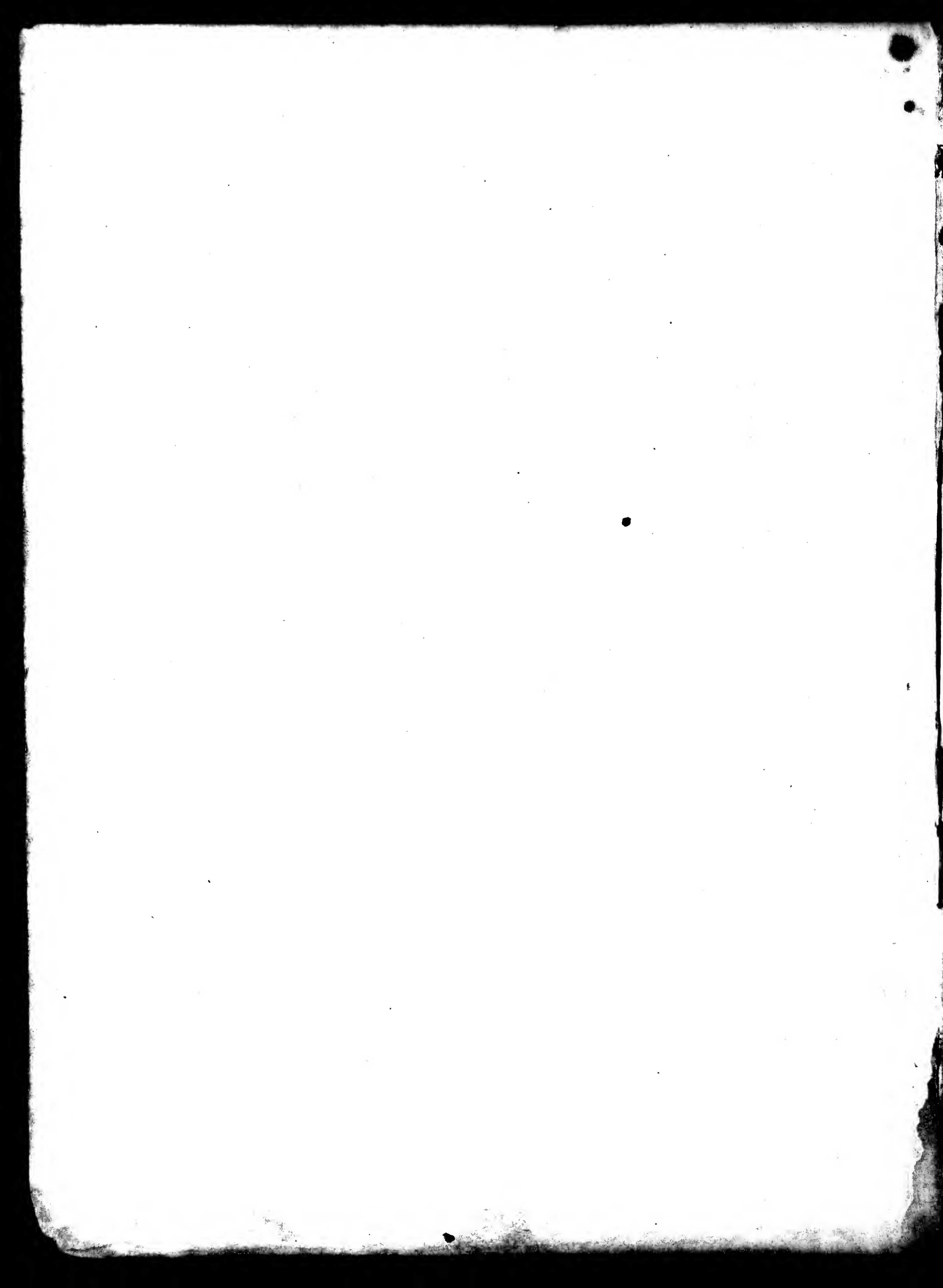
… СКАКУНОК

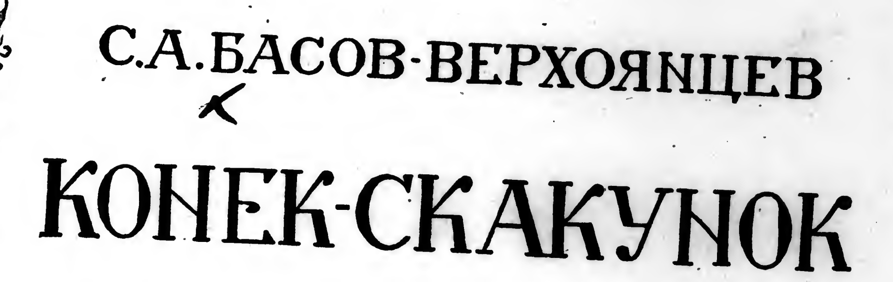

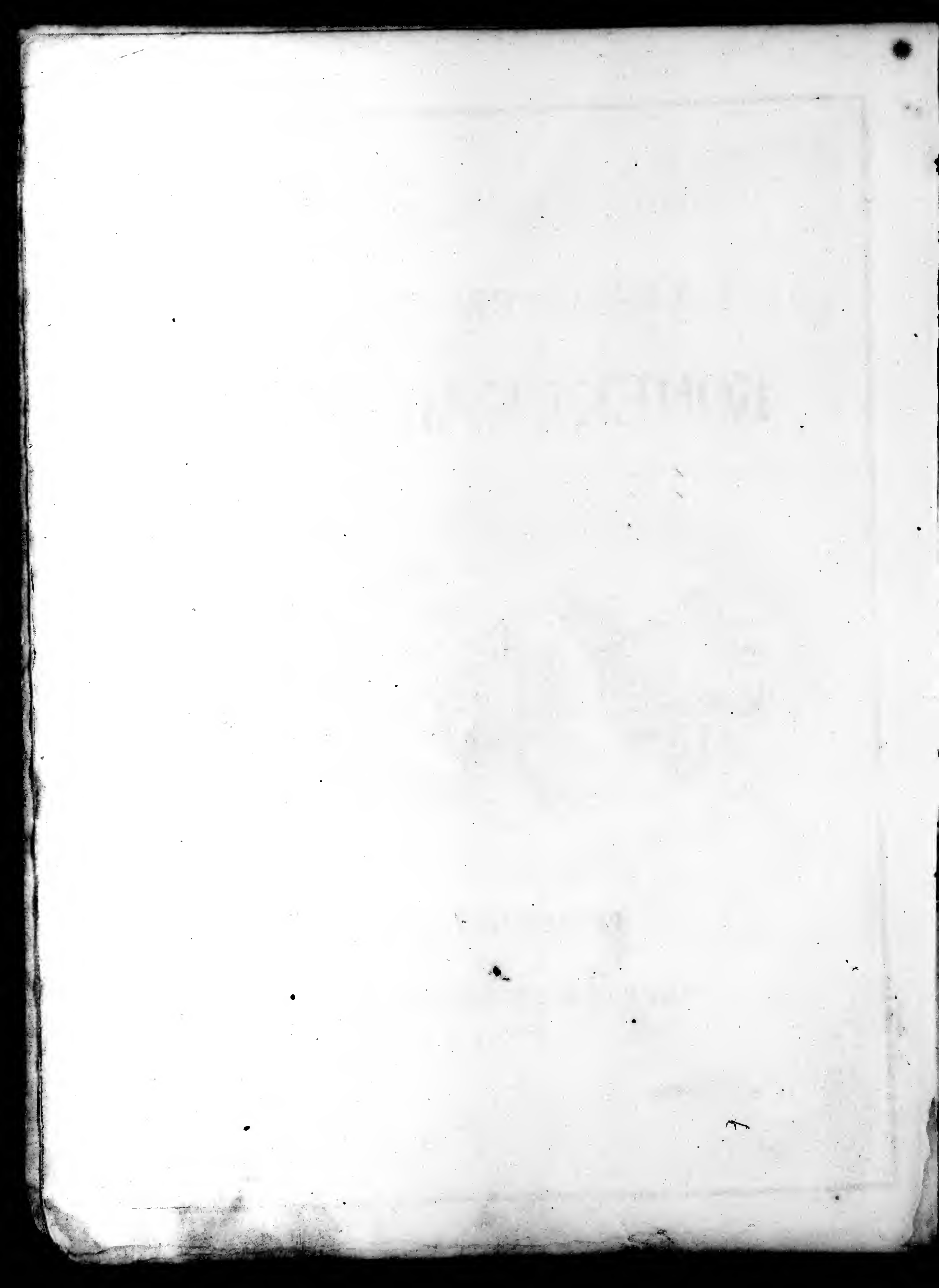
С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

КОНЕК-СКАКУНОК

РИС. Н. ЗИНОВЬЕВА

ИЗД-ВО СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1935 Г.

Три поэмы, составившие эту книгу, близки между собой по литературной форме, по основной мысли, хотя и отделены друг от друга большими промежутками времени.

«Конек Скакунок» впервые напечатан в 1906 г. Содержание: революция 1905 года, ее временное поражение и новая революция, отдавшая власть и все богатства в стране в руки трудящихся.

Разумеется, нельзя искать в этом произведении доподлинного отражения исторических событий (9-е января и проч.), завершившихся Октябрьской революцией.

«Конек-Скакунок» — сказка, памфлет,

родившийся за 11 лет до Октября. Его назначением было: революционно воздействовать на крестьянские массы, поднять их на новое восстание, на поддержку борьбы пролетариата против дворянско-буржуазного строя. Памфлет носил печать народнической идеологии.

Подготовляя «Конька-Скакунка» для настоящего издания, я пересмотрел текст и внес в него необходимые изменения и дополнения, выпрямившие идеологический стержень поэмы.

«Король Бубен» представляет обработку известной сказки о голом короле. Памфлет написан в 1916 году. Ходил по рукам в списках. Незадолго до Февральской революции напечатан в легальной прессе, — разумеется, с большими урезками.

Тема для «Калинова-города» почерпнута из эпохи гражданской войны. В основу положено краткое сообщение, появившееся летом 1919 г. в «Красной газете». Первым изданием поэма вышла в 1925 г.

С. Басов-Верхоянцев.

Май 1935

КОНЕК-СКАКУНОК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ай, ду-ду! ай, ду-ду!
Я возьму свою дуду,
Подберу-ка я под дудку,
Братцы, новую погудку.
Как на дудке песни звонки.
Угадай, в какой сторонке

Жил да был старик Данил,
В землю силушку ронил.
У него была старуха,
Невеличка, а воструха:
Принесла ему детей,
Трех погодков сыновей.
Глядь, уж старший брат Кондрат —
У царя лихой солдат.
Не тумак Гаврюха тоже,
Хоть старшого помоложе;
А людских послушать врак —
Младший, Ваня, был дурак.

Мужички согласно жили,
Работали, сколько в силе:
Жали, сеяли, косили,
Разводили лук и хрен
И, не чая перемен,
Белоярую пшеницу
Отвозили в град-столицу,
Хоть столица та была
Далеконько от села.
Там запасы продавали,
Кучи денег загребали
И с набитою мошной
Возвращалися домой.

Тут встречал их становой,
У них деньги отбирал,
Царю в подать отправлял.
На селе недоедали,
Но повинности справляли.

Как по маслу все катилось;
Вдруг несчастье приключилось:
Кто-то в поле стал бывать,
Их пшеницу обивать.
Мужики погоревали
Да в затылках почесали,
И давай судить потом
Да раскидывать умом:
Как бы им беду избыть,
Злого вора изловить.
Заказали свечку богу,
Звали знахаря в подмогу,
Наконец, смекнули сами
Караулить хлеб ночами.

Вот и стала ночь спускаться,
В караул пора сбираться.
Говорит старик Данила
Сыну среднему: — «Гаврила!

Ты возьми-ка, брат, топор
Да ступай-ка нонь в дозор».
Страх на малого напал;
В ноги он отцу упал:
—«Что-то боязно мне дюже, —
Голосит он, — да к тому же
Без господня изволенья
Нам не будет разоренья.
Вор-то, может быть, и сам
Не пойдет уж в гости к нам».

Почесал в затылке дед
И промолвил: — «Ну, брат, нет!
Правда, точно, бог-то бог,
Да и сам-ат будь не плох».
И велел позвать Ивана.
Дурачок же у бурьяна
В бабки сам с собой играл,
Громко песни распевал.
—«Ну, Ванюха-Иванец, —
Говорит ему отец, —
Ты Гаврилы поглупее,
Да зато и посмелее, —
Так иди в ночной дозор,
Посмотри, что там за вор.
Коль то молодец удалый,

Кулаком его пожалуй,
Коль скотина — бей дубьем,
Коль зверюга — топором».

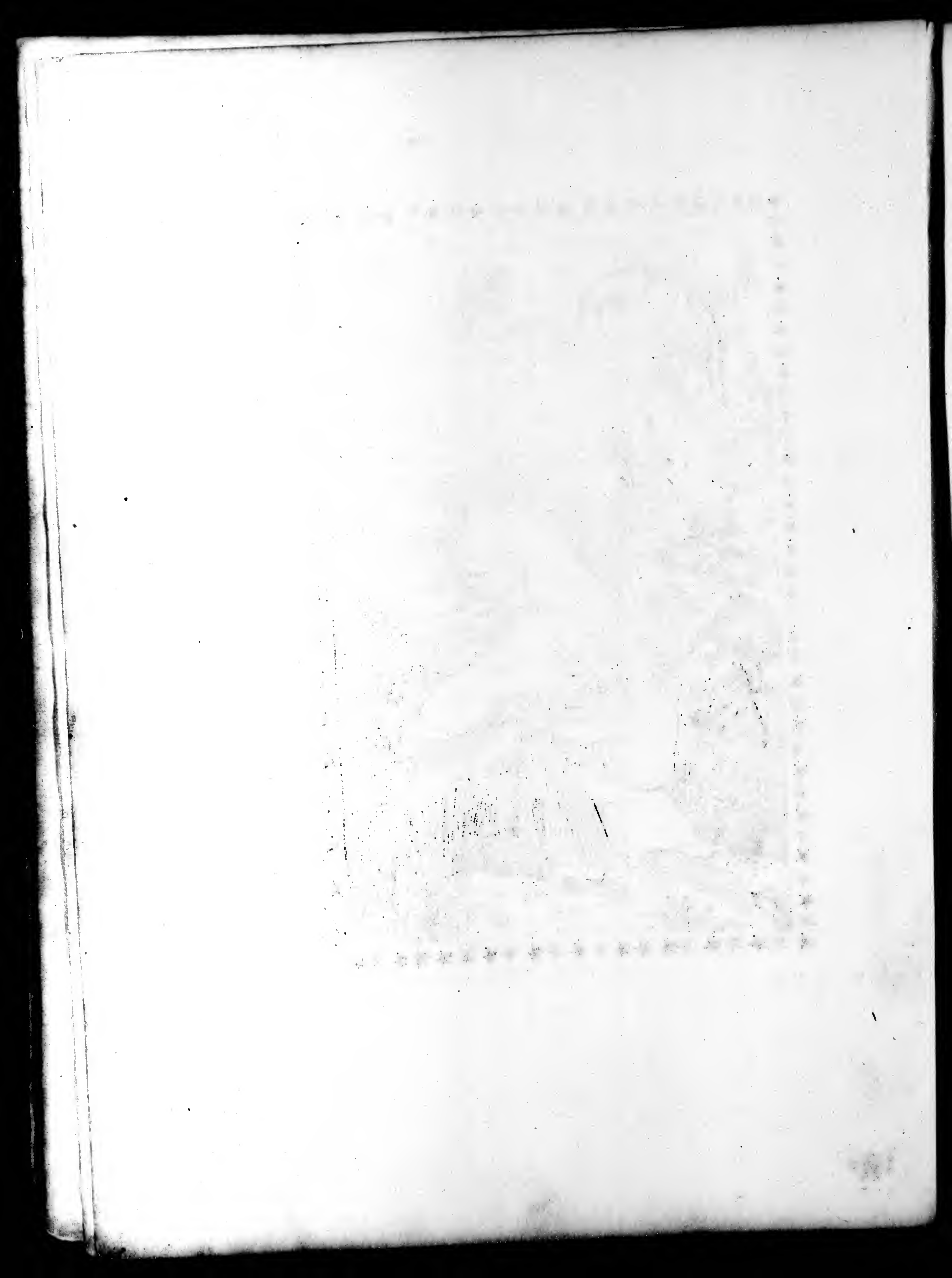
Вот собрался наш Иван.
Взял он только свой кафтан,
Хлеб за пазуху заткнул,
Туже пояс подтянул
И отправился в дозор,
Не вступая с батей в спор.

Ночь настала. Месяц всходит,
Стадо звезд с собой выводит, —
Так овечек пастушок
Выпускает на лужок.
Обойдя загон кругом,
Сел Ванюха под кустом,
Злого вора поджидает,
Сам краюшку уплетает.
Вот и полночь уж проходит,
Парень с поля глаз не сводит.
Вот уж близится рассвет, —
Все лихого вора нет.
Клонит, клонит Ваню сон.

Вдруг услышал топот он.
Смотрит: в поле конь бежит,
Ин земля под ним дрожит.
Вьется грива золотая,
Вся в колечки завитая,
Хвост серебряный — трубой,
Ноги с ветром вперебой.
Прямо чудо конь какой!
Парень трет глаза рукой:
Не во сне ль, мол, это снится?
Глядь, рысак уж на пшенице, —
Как в постель, в нее валится.
А Ванюха был не прост —
Хвать его за пышный хвост.
Прянул конь, — не тут-то было:
Малый держит, что есть силы,
Хвост обеими руками,
Упершись в межу ногами.

Тяжело тут конь вздохнул,
Морду к парню повернул
И давай молить Ванюшу:
—«Не губи мою ты душу.
Я донская кобылица,
Лошадиная царица.
Отпусти меня ты в поле.

Обещаю, что уж боле
Я не буду воровать,
Хлеб мужицкий обивать.
Не спокаешься потом,
Отплачу тебе добром:
Приведу тебе Конька,
Не простого — Скакунка.
У тебя он будет жить,
Верой-правдою служить;
Станет в горе пособлять,
Из напасти вызволять.
Только помни, дуралей:
Ты его не продавай
Ни за тысячи рублей,
Ни за сладкий коровай,
Ни в подарок не давай.
Не бросай его нигде,
А не то — так быть беде».

Наш Иван сговорчив был:
Кобылицу отпустил
И пошел на сеновал...
А на утро сам не знал —
На яву или во сне
Ездил он на скакуне,
Был у батюшки-царя

И чуть смерть не принял зря;
Доставал перо жар-птицы,
Был потом у царь-девицы;
Проезжал и там, где кит
Мостом на море лежит;
Был у месяца в гостях
На кудрявых облаках;
Ездил к солнцу на поклон.
Правда ль то? — не помнил он,
Только верно, что с тех пор
Не толок пшеницы вор.

Вся деревня дивовалась
И досыта насмеялась,
Как Иван через два дня
К водопою вел коня.
А от злости у Гаврила
Все лицо перекосило.
И взаправду — был конек!
Ростом ровно в локоток,
Только стать зато на диво:
Золотая вьется грива,
Шейка выгнута дугой,
Хвост серебряный — трубой,
Изумрудные копыта,
Чапраком бока покрыты.

В чапраке горят каменья,
За узду дадут именье.
Скакуна еще такого
Не найти и у царя,
И хоть роста небольшого,
А свезет богатыря.
Коник важно выступает,
Всадник ноги поджимает.

Как урядничек узнал,
На деревню прискакал,
Стал Иванушку мотать:
Где коня он мог достать?
Парень пер какой-то вздор:
Будто с чортом с давних пор
Он побился об заклад,
Да и выиграл вот клад.
Сколь урядник ни трудился,
Толку все же не добился
И, забрав чапрак с уздой,
Укатил к себе домой.

Между тем Гаврила мой
Ходит хмуро, сам не свой,
Плохо ест, не досыпает,

Сам с собою рассуждает:
—«Ай да Ванька! Он дурак,
А смотри, обвел нас как:
Да уж исстари ведется,
Что лишь дурням клад дается,
Ты ж хоть будь семи пядей,
Не найдешь и двух рублей...
Все в хозяйстве неисправно...
А куда как было б славно
Перенять нам этот клад.
Мне б тогда сам чорт не брат!
Стал бы в холе, в неге жить,
С становым хлеб-соль водить...
За Конька, пожалуй, взять
Можно б сразу тысяч пять.
Грех?.. Пустое говорят.
Так уж свет устроен, брат,
Что от праведных трудов
Не нажить себе домов.
Хорошо и для души,
Коль в кармане есть гроши.
Богатей живет, не тужит,
А и помер, круглый год
По тебе обедни служат,—
Значит, в рай душа пойдет».

Как-то вечером Иван
Ввел лошадку в балаган,
Задал ей овса и сена,
Сам же дернул на село
И, пока не рассвело,
Там выкидывал колена
На лужайке, в хороводе,
При честном при всем народе.

А Гаврил тому и рад,
Что коня не запер брат.
Вот уж он и в балагане
И выводит на аркане
Златогривого Конька, —
Хочет сесть на Скакунка.
Конь тут жалобно заржал,
Да Иван не услыхал.
Сел Гаврила, конь помчался
Так, что парень диву дался
И понять не мог никак,
Что за прыть в его ногах.
Верст за триста отмахал,
Еле шеи не сломал,
А на утренней заре
Очутился на горе.
Город виден был оттуда,

И не город, прямо чудо:
С теремами да садами,
С золотыми куполами.

Отыскал мужик базар
И поставил свой товар.
Всяк коню тому дивится,
Да цена — не приступиться.
Вдруг подходит важный барин,
Воевода аль боярин, —
Сразу видно — покупатель!
— «Это твой конек, приятель?»
— «Знамо, мой».

— «Хорош, хорош!
А за много ль продаешь?»
— «За пять тысячей отдам».
— «Я согласен».

— «По рукам!»
Конь пошел без дальних слов
За пять тысячей рублев.

А Гаврила деньги взял
Да скорее на вокзал;
Там билет себе купил
И к утру уж дома был
(Не боялся, видно, срама).

Не пошел он в избу прямо,
А, как будто невзначай,
Забежал сперва в сарай.
Деньги в тряпку завернул
Да в застреху там заткнул,
А потом в избу идет,
На икону крест кладет,
Всем поклоны отдает.
Тут Иван ему на ухо:
— «Ты коня увел, братуха!»
А Гаврюшка на дыбы:
— «Знать, взбесился наш Иван!
Что ты, братец, али пьян
От намеднишней гульбы?
Лопни брюхо у меня,
Не дожить до светла дня,
Коли я увел коня!»

Три недели укатило.
К старику пристал Гаврила,
Говорит: — «Хочу жениться!»
А потом: — «Давай делиться!»
Разделилися без спору.
И пошел Гаврила в гору:
Под железо вывел дом,
Лавку выстроил потом.

На купеческую стать
Стал Гаврила вырастать.
Всякий день ему барыш —

Угоришь!

С мужиками крут Гаврюха,
А с начальством легче пуха.
Становому побратим,
По селеньям ездит с ним:
Пристав подати сбирать,
Недоимки выдирать,
А купец у мужиков
Покупать добро с торгов.

Поп с купчиной тож хорош, —
Их водой не разольешь.

Время шло, а не стояло,
И воды уже не мало
Убежало в сине море, —
И случись в том царстве горе:
Не родилось вовсе ржицы,
Ни картошки, ни пшеницы.
Тут не то что продавать,
Дома нечего жевать.
С голодухи мужики

Свищут громко в кулаки.
Да начальству дела нет,
Есть иль нет у них обед:
Урожай, неурожай, —
Царю подати подай!

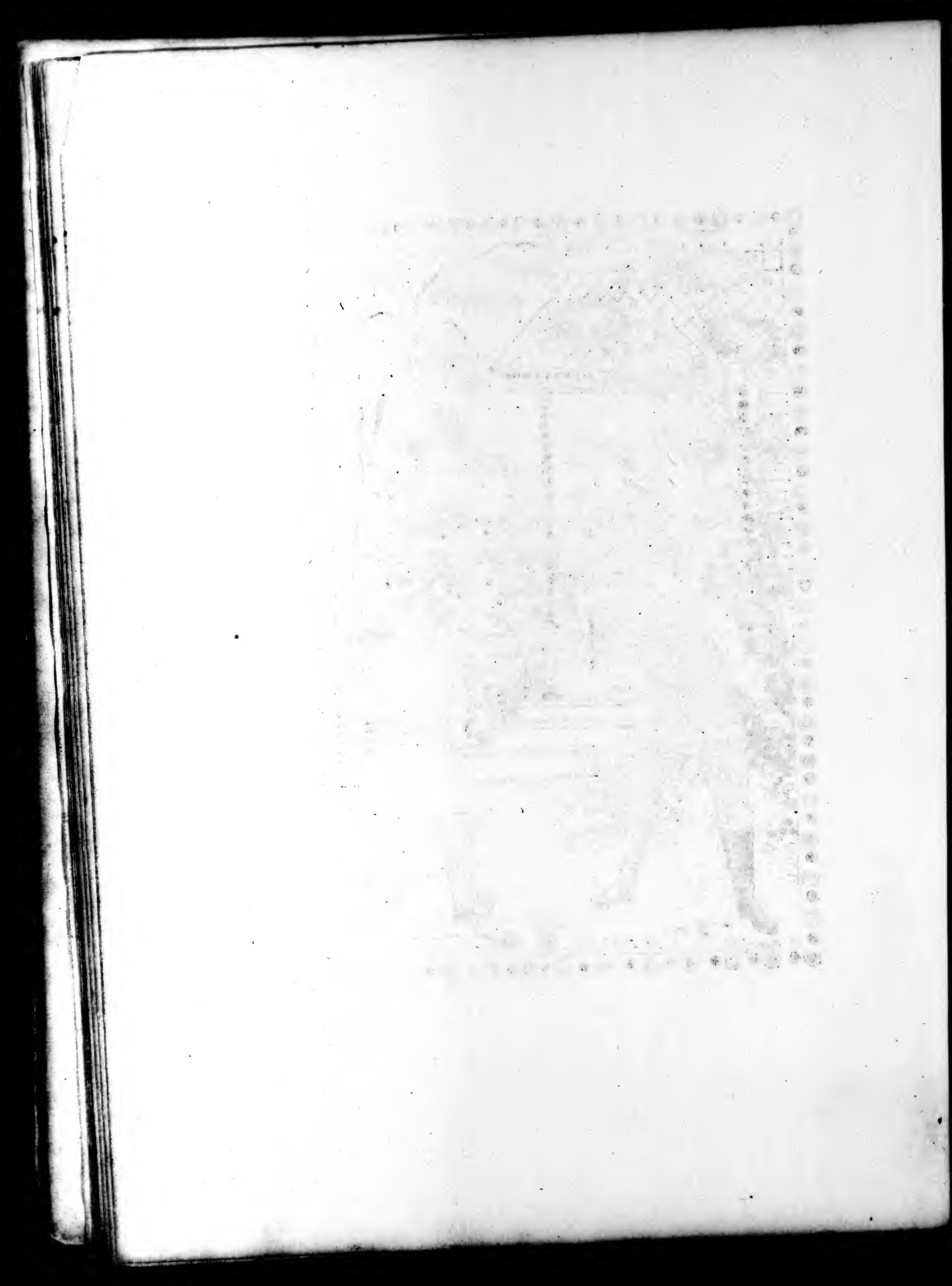
Вот на троечке на быстрой
Становой несется пристав.
И урядничек катит,
Громким голосом вопит.
Тут и земский сам начальник,
Деревенских бед печальник;
С ним сидит письмоводитель,
Удивительный грабитель.
А за ними казачки —
Все донские мужички;
Уж летят они, летят
Да нагайками грозят.
Собралася эта рать
Подать царскую сбирать.
На деревню прилетели,
Сход созвать скорей велели.

Говорит тогда Данила:
— «Ваня, сбегай до Гаврила, —
Дай, мол, нам рублишек пять,

Недоимку с шеи снять».
Парень мчится без кафтана
К дому новому братана.
Застает купчину в лавке
(Он балансы на прилавке
В счетной книге подводил).
— «Я к тебе, браток Гаврил!»
Тот Ивана встретил грубо,
Не кивнул ему и чубом.
— «Вы с отцом-то больно ловки!
У меня такой сноровки
Нет, чтоб деньги зря давать, —
Не легко их добывать.
Кабы меньше вы гуляли,
Да начальство почитали,
Да ходили б в церковь божью, —
Вот и были бы вы с рожью».
Тут Иван купца прервал:
— «Брат, ведь ты Конька украл!»

Разобиделся Гаврила,
Закричал, что было силы:
— «Ишь, такой-сякой болван,
Неотесанный мужлан!
Поднимать пришел здесь шум!
У меня урядник — кум:

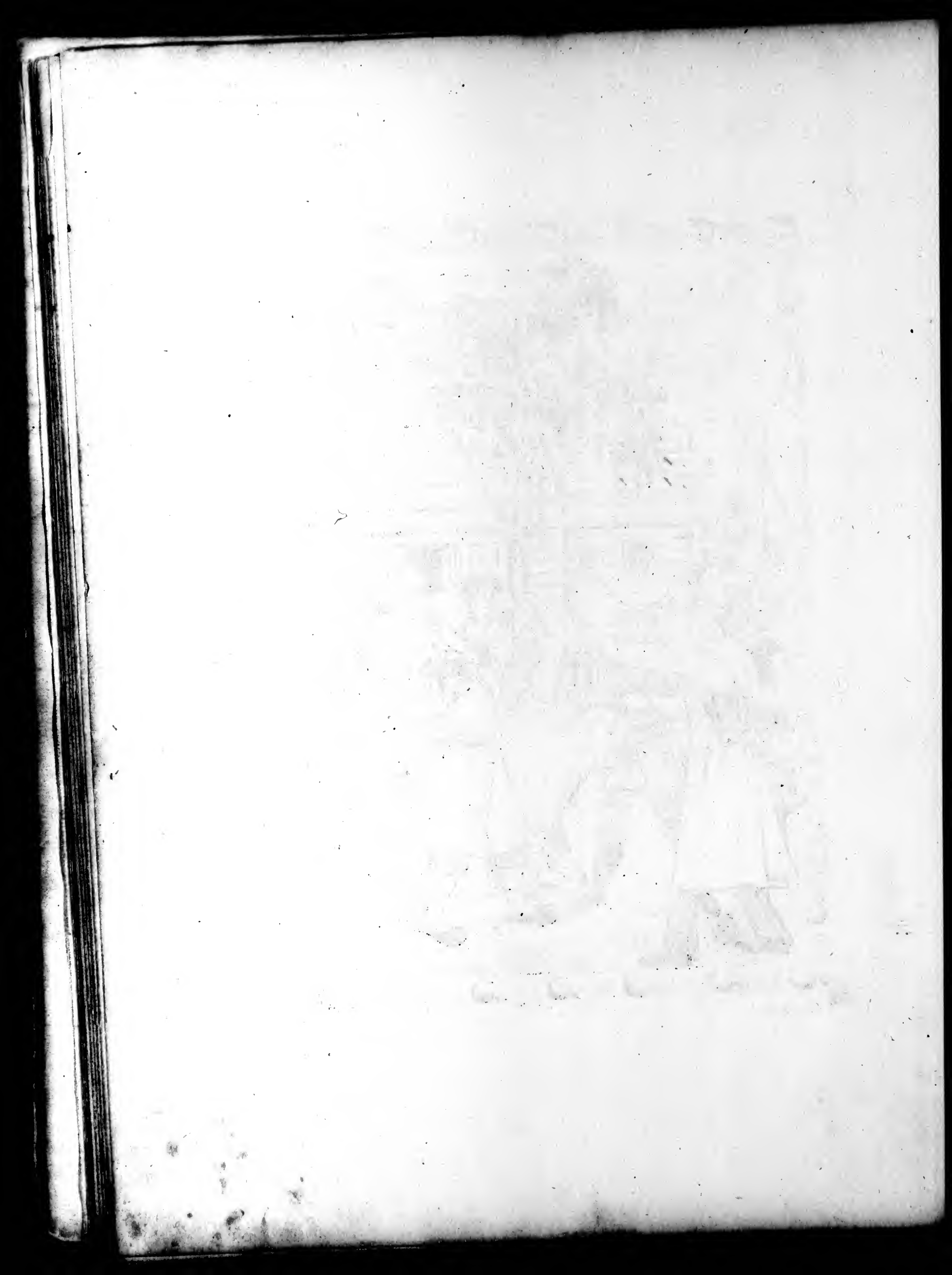
Вот стащу тебя в расправу,
Угостишься там на славу;
Всыпят, сколько захочу,
Да и сам поколочу,—
Позабудешь, как ругаться!»
И полез уж было драться;
Вспомня ж братнину ухватку,
Не решился с ним на схватку.

На деревне становой —
Словно лютый пес цепной:
Со дворов уводит скот,
За бесценок продает.
Мужиков пушит нет таже, —
Застыдился земский даже.
А Данила — стар, но дюж, —
Не сробел, да он к тому ж
В старостах ходил в тот год.
Выступает он вперед
И такую речь ведет:
— «Не дери ты, пристав, нос!
Ведь и сам ты знаешь, чай,
Что у нас неурожай.
Ты б царю о том донес.
Царь, узнавши, статься может,
Подать с нас и вовсе сложит.

Ведь ему большой доход
И без подати идет.
Я те дело говорю, —
Напиши-ка ты царю:
Дескать, есть мужик Данила;
Сорок лет, сколь силы было,
На тебя он работал —
Дани-подати справлял,
Нынче ж выбился из сил,
Почитай что все прожил, —
Ходит в праздник без сапог.
Ждет, чтоб ты ему помог, —
Потерпи с него оброк:
Он отдаст тебе, мол, в срок!»

Пристав пуще взбеленился,
Чуть слюной не подавился:
— «Ах, такой-сякой мужик,
Сицилист и бунтовщик!
Вздумал ты царя учить,
Чортов сын, собачья сыть!»
Налетел на старика,
Тычет он ему в бока,
Заезжает в ус и в рыло.
Тут и земский подскочил,
В шею тож его хватил.

Н. Зиновьев.

Заартачился Данила:
— «Не извольте, барин, драться!»
— «А, так ты и огрызаться!
Ну-ка, стражники!»

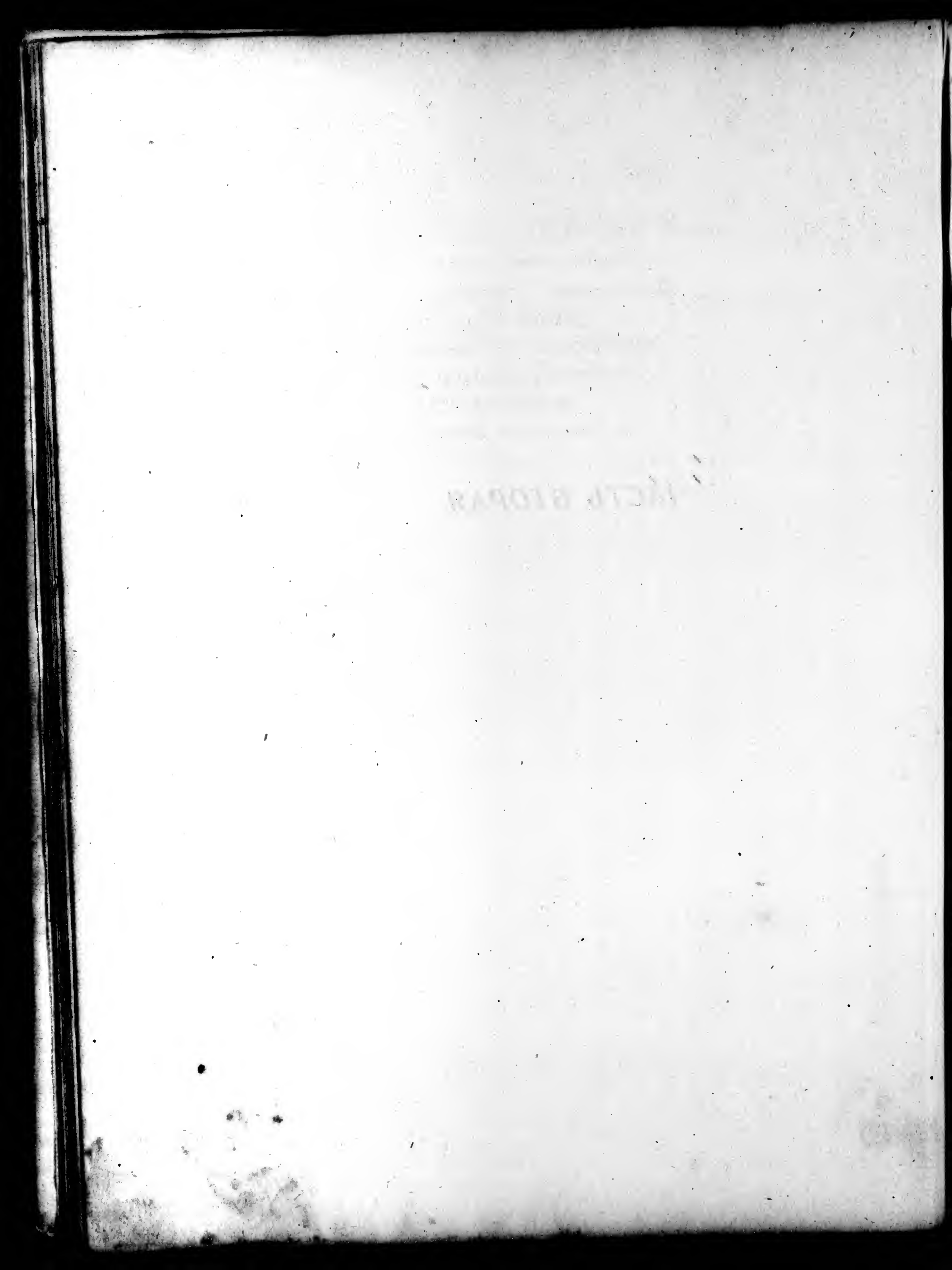
— «Ребята!
Сын мой тож пошел в солдаты, —
Говорит солдатам дед, —
А у вас отцов аль нет?»
Застыдились было хваты
Стариковой бороды,

Да куды!
Земский стражников надрочил:
— «Что ж, у деда, как у прочих,
Сын на службу точно взят.
Бравый он теперь солдат,
Тоже учит мужиков,—
Вот таких же дураков».
Отлупили старика.
Чешет он свои бока
Да спешит к себе на печь,
Сам с собою держит речь:
«Хошь до нитки разорюсь,
А до правды доберусь!»

Возвратился той порой
Наш Иванушка домой.

Дед к нему: — «Ну, брат Иван,
Надевай-ка синь кафтан,
Отправляйся в град-столицу,
Отыщи царя-царицу
Да подай ты им прошенье:
Мол, большое утесненье
От царевых воевод
По стране народ несет».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Писарь пишет в два пера
Государевы дела.
Ой ты, писарь, писарек,
Золотой твой разумок!
Ты пиши указ, пиши,
Да печати приложи,

Чтоб царинушка потом
Не заперся бы во всем.
Это присказка идет,
Сказка будет в свой черед.

День еще не занимался,
А Иван уж в путь собрался.
Только вышел за лесок,
Слышит — скок!
Глядь — стоит его Конек,
Златогривый Скакунок.
Ваня с радости опешил.
А потом к нему припал,
Обнимал и целовал.

— «Вот, дружок, меня утешил!
Видишь, я остался пеший».
А Конек в ответ заржал:
— «Сам, Иванушка, сплошал,
Что оставил без призору
Ты меня в ночную пору.
Твой братан меня украл
И скорехонько продал,
Да я время улучил,
Через тын перескочил.
Что ж идешь ты так невесел?

Что головушку повесил?
Расскажи свою печаль,—
Облегчить ее нельзя ль?

Залился Иван слезами.
Рассказал он, как плетями
Били старого отца;
Рассказал, как жеребца
Становой за подать свел,
И зачем к царю он шел.
А Конек ему в ответ:
— «Твой обижен сильно дед,
Только то еще не горе.
Ты и сам узнаешь вскоре,
Горе будет впереди.
То ль увидишь — подожди!
На меня теперь садись,
Только знай себе держись.
Отвезу тебя в столицу —
Посмотреть царя-царицу!»
Сел Иван, Конек помчался
Так, что парень диву дался.
Десять верст в один поскок
Пробегает Скакунок, —
Не догнать его и птице.
Прямиком бежит к столице.

Как завидели заставу,
Опустился конь на траву,
Ване слезть с себя велит.
А потом и говорит:
— «Вот что, друг ты мой прекрасный!
В город мне итти опасно.
Там народ-то, знаешь, плут,
Там, как раз меня сведут.
Ты один теперь ступай,
Да смотри, брат, не плошай.
Только вот еще... Постой:
Вырви волос золотой
Из моей кудрявой гривы
И тот волос сохрани.
Настают худые дни.
Коль останемся мы живы,
И понуждится опять
На Коньке тебе скакать,—
Стань лицом ты на восток
И порви тот волосок:
Вмиг явлюсь перед тобой
Словно лист перед травой».
Тут с Иваном конь простился
И из глаз в минуту скрылся.
Ваня вслед ему взглянул
Да минуточку всплакнул,
Вытер слезы рукавом

И пошел себе пешком.
Вот он входит во столицу,
Видит лавок вереницу.
За прилавками купцы,
А в дверях-то молодцы,
Все товар свой выхваляют,
В гости просят-зазывают;
На Ивана не глядят,—
Видят, парень не богат.
Он по улицам шагает,
Всяку штуку примечает.
По обеим сторонам
Счету нету теремам,—
Дружка дружку кверху прет.
И у каждых у ворот
Дворник с бляхою стоит
И во все глаза глядит —
На прохожих, ездоков,
На господ и мужиков.

Вдруг пред Ванею палаты.
У ворот стоят солдаты
В портупеях, в тесаках,
Держат ружьица в руках.
Да Ивану что за дело?
Мимо них идет он смело.
— «Эй, куда ты прешь, болван?»

Удивился наш Иван.
Стал и смотрит на солдата:
— «А не здесь царева хата?
Ты, служивый, не кричи,
Лучше толком научи,
Как бы мне найти царя».
— «Что ты, дурень, мелешь зря?
Али ты напился пьян,
Неотесанный мужлан?
Проходи, а то как раз
Долбану промежду глаз!»
Почесал Иван затылок,
И, хоть был он нравом пылок,
В спор напрасный не вступил,
От хором поворотил.

Вот на площадь он выходит.
Тьма по ней народу бродит,
Только мало из господ,—
Больше все простой народ.
Все Ивану не знакомы.
Дурачок — к тому, к другому:
— «Что такое тут, земляк?»
Отвечают:— «Так и так,
Мы от мира ходоки,
Вахлаки и простаки;

Приплелись сюда гужом
Бить царю-отцу челом,
Чтоб избавил он народ
От своих от воевод.
Вовсе нам житья не стало.
А землишки больно мало:
Негде курицу пустить,—
Где ж там подать уплатить!
Хоть сиди да волком вой,
Коль не в прорубь головой.
А на фабрику пойдешь,
Так и там прижимка тож,
Что ни фабрика — острог,
Всюду гнут в бараний рог.
Правды мы пришли искать,
Волю-долю добывать.
Глянь-ка вон на тот конец:
Государев там дворец.
Царь сейчас опочивает,
А проснется да узнает,
К нам он выйдет на крылец,
Нас послушает отец».

Как во городе столичном,
Во дворце живет отличном
Царь страны той, Берендей

(Пятьдесят под ним царей).
С ним живут и две царицы,
Две Заморские Синицы:
Берендея мать — одна,
А другая-то — жена.
Есть еще у них приплод —
Сын-наследничек растет.
Все живут — который год
Без печали, без забот,
Сладки вина попивают,
Виноградом заедают.
На готовом царь живет,
И идет ему доход:
Получает он зараз
Сорок тысяч рублей в час.
Не берет совсем бумажек —
Ни рублевок, ни сотняжек,
А берет он только злато
(Знать, страна его богата),
Корабли им нагружает,
В банк за море отправляет.

В этом царстве есть преданье,
Что в тот день, как на престол
Берендей царем взошел,
Вышло, будто, предсказанье:

«Девять лет он в тишине
Будет царствовать в стране,
На десятом же году
Повстречает он беду».
А как раз десятый год
С той поры уже идет.
Мудрено ль, что Берендей
Стал ночей не досыпать
И с супругою своей
Поздно ложе покидать.

Было так и в этот раз.
Не успел продрать он глаз,
Как услышал донесенье:
— «Царь, в столице возмущенье.
На дворец толпа идет —
Правды требует народ».
Царь, что скатерть, побледнел,
На чердак бежать хотел.
Заметалася царица,
Как подстреленная птица:
— «Ахти, батюшки, беда!
Что нам делать, господа?»
Глядь, дворцовый воевода
Им кричит уже от входа:
— «Ты не бойся, наш властитель!

Не возьмут твою обитель:
Я на тех бунтовщиков
Приготовил казаков
Да поставил за ворота
Роту гвардии — пехоты».

Посмелел тут царь немножко,
Глянул он в свое окошко:
В самом деле, у сеней
Видно множество людей,—
Не дворяне, не купцы,
Поголовно простецы:
Хлеборобы да ткачи,
Кузнецы да копачи,
Слесаря и токаря,
Пушкари и пекаря,
Все хотят узреть царя.
И юнцы и бородаты,
От трудов своих горбаты,
Собралось народу — страсть!
Негде яблоку упасть.

Эх, напрасно ждать царя!
Ничего не говоря,
Берендей глазком мигнул,

Н. Зиновьев

Белой ручкой шевельнул,—
Налетели гайдуки
И донские казаки,
С криком врезались в народ.
Всадник плеточкой сечет,
Конь его зубами рвет.
От казачьих тех наград
Врассыпную стар и млад.
А казак один Ивану
Задал сабелькою рану.
Да Иван не растерялся,
В лапы кол ему попался.
Вот и стал он тем колком
Поворачивать кругом.
Кол пришел ему с руки,—
Берегитесь, казаки!
Ваня в сторону махнет —
Целу улицу метет,
А в другую повернет,—
Переулочек кладет.
Казаки тут отступали
И Ивана пропускали.
Кое-кто еще за ним
Вышел с поля невредим.
Да немногие успели
Без увечья убежать.
Вскоре ружья загремели:

Царь велел в народ стрелять.
Час, не больше, пролетел,
Навалили груду тел.

Заиграл рожок отбой.
Царь доволен сам собой,
На крыльцо к войскам сходил
И работу похвалил:
— «Ой, гвардейцы и донцы,
Вы, ребята, молодцы!»
Всем поднес по чарке водки,
На закуску дал селедки.
А по площади потом
Все дозор ходил кругом:
Перебитых подбирали,
Кровь песочком затирали.

Вот прошло деньков не мало,
И, очухавшись, народ
Вновь сбираться стал на сход.
Многих душ недоставало:
Тот на кладбище лежал,
Тот в больнице умирал,
А иной попал в острог
И кормил там царских блох.

Крик пошел, как на базаре:
— «Виноваты-де бояре,—
Кто не знает? — с давних пор
Ими полон царский двор.
Их проклятая порода
Обижает люд простой.
Берендей же для народа
Рад стараться всей душой.
Коли б он про все мог знать,
Вышла б тут иная стать».
Час и два галдит народ,
Дело все на лад нейдет.
Кто кричит: — «Без промедленья
Настрочить царю прошенье!»
Кто советует опять
Ходоков к нему послать.

Был на сходке и Иван
(Излечился он от ран).
Слыша, как галдит народ,
Он и ухом не ведет,
Знай, свистит себе в кулак,
Будто это надо так.
Говорят ему: — «Ванюша!
Если знаешь что, так слушай —
Ты нас толком научи,

Без пути же не кричи».
На забор Иван взместился
И к народу обратился:
— «Был я, братцы, на заводе
(У меня с ума не сходит),
Крылся там у старика,
По прозванью Кулика.
Ну Кулик!
Ростом мал, умом велик.
Ведь простой заводский товарь,
А послушать — он те во как
Растолкует все права.
Золотая голова.
Эх, братва!
Будет горла-то вам драть!—
Надо дело начинать.
Вот вы всё других вините,
Несудом бояр браните —
Нынче то же, что вчерась.
Плюньте вы на эту мразь
И признайтеся, ребята,
Что вы сами виноваты.
Кто на службе у господ?
Кто ж? — да мы, простой народ!
Воевода, ведь, не сам
Дал намедни трепку нам.
Гайдуки и казаки —

Это те же мужики.
Да куда ни повернись
И за что ты ни возьмись—
От лачужки до хором
Свет устроен на одном, —
На крестьянской на породе,
На рабочем на народе:
Он и пашет и кует,
Всем идет с него доход —
И царю, и его сыну,
И купцу, и дворянину;
Лезет поп к нему ж на спину.
Забастуй он — сразу, брат,
Господишкам выйдет мат!
Да и царь наш Берендей
Примет нас тогда скорей
И узнать он пожелает,
Отчего народ страдает».

Словно прорвало тут сходку,
Закричали в одну глотку:
— «Вот что верно, так уж верно!
Воевода сам, примерно,
Не сумеет щей сварить,
А не то что нас побить!».
Порешили в тот же час

Забастовку сделать враз.
И, с завода на завод,
Всех пошли снимать с работ.

Стали фабрики, заводы,
Поезда и пароходы.
Ни капусты, ни муки
Не подвозят мужики.
Пекарь булок не печет,
Дворник улиц не метет.
У царя, у Берендея,
Разбежались все лакеи:
Ни кваску испить подать,
Ни лучины нащепать.
И стоит его дворец —
Что неубранный мертвец.

От бунтарских тех затей
Взвыл на троне Берендей.
От одной бессонной ночи
У него ввалились очи.
Войск в столице было мало,—
Знать, начальство оплошало.
Что тут делать, как тут быть?
Чем тут горю пособить?

У царя в то время жил
Злой кудесник: с низу — поп,
С головы — царев холоп.
Царь им сильно дорожил.
Колдуну уже сто лет,
Лыс и худ, как скелет.
Берендей к нему бежит,
Крепко в дверь его стучит:
— «Ты скажи-ка нам, отец,
Аль приходит наш конец?»
Чародей в то время в келье
Кипятил в кастрюле зелье.
Дверцы он приотворил
И царю проговорил:
— «В этот раз беда пройдет.
Больно темен твой народ;
Дури в нем еще нет сметы...
Есть хорошие приметы:
Над кастрюлей пар клубится,
А в кастрюле кровь варится...
Бой на улицах пойдет,
Брат на брата нападет...
А теперь к себе ступай,
Доварить мне зелье дай;
Сядь на трон свой драгоценный,
Собери совет военный».

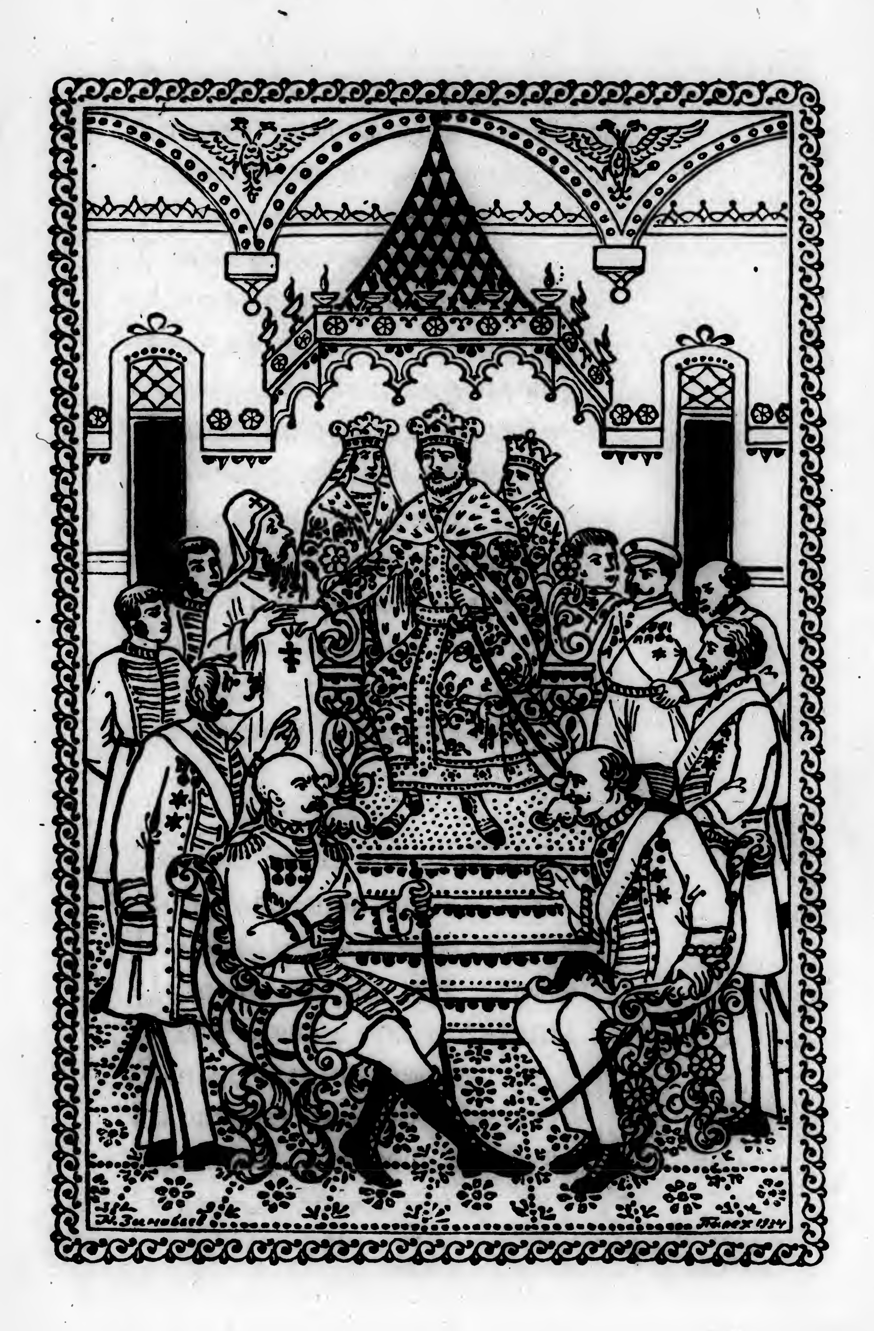
Царь домой несется вскачь,
Инда пол под ним горяч.
На совет военный тот
Он сенаторов зовет,
Генералов, воевод.
Сам его преосвященство
Прикатил от духовенства.
— «Ой, графья мои и слуги!
Я позвал вас для послуги:
Надо, братцы, нам смекнуть,
Как народ в дугу согнуть.
А не то, ведь, он как раз
В шею выгонит всех нас,
Вместе с свет моей царицей,
Со Заморскою Синицей.
Да и вам не сдобровать,
Коль начнет он бунтовать».
Посудили, порядили,—
Ни на чем не порешили.

Вдруг поднялся воевода,
По прозванию Сысой.
Он незнатного был рода,
Только чин имел большой;
А в такую честь попал

Потому, что надувал
Лучше прочих воевод
Берендеевский народ
И бессовестно божился.
Вот царю он поклонился
И повел такую речь:
— «Смуту можно враз пресечь,
Пресветлейший Берендей!
Манифест издай скорей:
Объяви всему народу,
Что даешь ему свободу.
Пусть про верных слуг твоих,
Про чиновников лихих,
В деревнях и в городах
На письме и на словах
Говорит, что знает всяк,—
Будь он умный, будь дурак,—
Не боясь за то попасть
В волостную али в часть.
Этим родом, посмотри:
В две недели али в три
Ты узнаешь, кто буян,
Кто мятежник, кто смутьян.
Пусть себе кричат они,
Ты лишь время протяни
Да гляди, не оплошай,
Войск поболе собирай.

Мы же той порой смекнем,
Как управиться со злом».
Просветлел лицом тут царь,—
Стал он весел, как и встарь.
— «Ой ты, гой-еси, Сысой,
Воевода славный мой!
Вижу, служишь ты мне верно,
Не ударил в грязь лицом.
Награжу тебя примерно:
Графским чином и крестом».

Порешили дело в час,
И подписанный указ
Повезли во все концы
Государевы гонцы.
Царь писал: «Отныне мы
Отрекаемся от тьмы.
Девять лет из года в год
Притесняли мы народ,
А теперь конец мытарству.
Пусть везде у нас по царству
Всякий смело говорит,
Что душа ему велит,
Про царевых воевод.
Знайте все, что наперед
За такие обличенья

Вам не будет утесненья,—
Станем царствовать законно.
Наша воля непреклонна,
И порукою мы в том
Слово царское даем».
А указу в подкрепленье
Тут же вышло повеленье:
Хочет, дескать, Берендей
Видеть выборных людей —
От сословий, областей.
Эту выборную рать
Будут Думой величать.
Чтоб царю зимой и летом
Бегать в Думу за советом,
А без Думы той согласья
Не царить и одночасья.

Только лишь простой народ
Про указ прослышал тот,
Все ожило, встрепенулось,
Царство сонное проснулось.
В ход пошли опять заводы,
Запыхтели пароходы.
Паровозы громко свищут,
Пассажиров к себе кличут.
Пекарь булочки печет,

Дворник улицу метет.
И на радости такой
Стал народ как бы шальной.
Люди в кучи собирались,
Как в христов день целовались
И ходили до полночи,
Протирая себе очи,
Манифест царев читали
Да «ура» царю кричали.
И, чтоб часу не терять,
Стали в Думу выбирать;
А в числе других Иван
Депутатом был избран.

Вот прошло две-три недели,
В небе тучки зачернели,
А черней свинцовой тучи
Берендей сидит могучий.
Он сидит в своем дворце,
На престоле и в венце.
А с ним рядом две царицы,
Две Заморские Синицы,
Словно облачки грустны;
Слезки в их очах видны.
Что же так царя тревожит?
Что его сердечко гложет?

Что! Конечно, не безделка!
Вышла в войске перестрелка:
Полк один стал за народ,
А другой — за царский род.
— «Что ж так долго нет Сысоя?
Жду его к себе давно я!» —
Закричал в досаде царь.
Каблучком пристукнул о пол
И ладошками захлопал:
— «Эй гонец, скорее жварь,
Разыщи ты мне Сысоя
И доставь в мои покои!»

Только молвил, глядь, Сысой
Объявился сам собой,
Словно лист перед травой.
— «Гой, ты, раб лукавый мой,
Воевода наш Сысой!
Обманул ты нас с царицей,
С свет Заморскою Синицей,
С нею весь наш царский род, —
Взбунтовал ты нам народ!
И, что вовсе уж не гоже,
Взбунтовал и войско тоже.
Ведь я слышу за стеной
Нам кричат: «Долой, долой!»

Уж вломились депутаты
В наши царские палаты,
Говорят, что мы не в воле
Никого казнить уж боле.
Дай же мне теперь ответ:
Царь я больше али нет?»

Воевода не смутился,
Царю низко поклонился,
На него глаза возвел
И такую речь повел:
— «Пресветлейший Берендей!
Верен я семье твоей,—
И тебе и двум царицам,
Двум Заморским тем Синицам,
И всему их верен роду.
Не мирволил я народу,
Я ночей не досыпал,
Войско, гвардию сбирал.
Не грусти, надежа-царь!
Веселися, как и встарь,
И возьми себе ты в толк:
Усмирен мятежный полк;
Остальные же полки,
Наши верные стрелки,—
За тебя в огонь и в воду,

Н. Зиновьев.

Где ж осилить их народу!
Все назад ты можешь взять,
Что ему изволил дать».
— «Вот люблю такую речь!
Как гора свалилась с плеч!»
Закричал тут Берендей
И добавил поскорей:
— «Да и Думу тож пора
Гнать метлою со двора».

— «Государственную Думу
Мы разгоним, царь, без шуму».

Тут же отдали приказ
Написать другой указ.
В час все было уж готово.
Вот указ тот слово в слово:
«Войску выступить в поход,
Усмирить везде народ.
Крикунам плетей отвесить,
Всех ораторов повесить,
Депутатов же схватить,
По острогам рассадить».
А в конце рукой своей
Царь поставил — «Берендей».

И не прежние гонцы,
А жандармы-молодцы
Разносили под полой,
Да и то ночной порой,
Новый тот указ царев;
Чтоб никто из мужиков
Не проведал, не узнал,
Что сам царь его писал.

Тру-ру-бум! Тру-ру-бум!
Поднялся ужасный шум.
Сторонись, народ честной,—
Суд наехал полевой!
Прокурором сам паук.
Из его ли цепких рук
Жив никто не выходил.
Таракан судьею был;
Он на хлебушке ржаном,
На мужицком, даровом,
Разжирел, как старый сом.
Помогал ему комар,
Парень — ух какой угар!
Подивись, крестьянский люд:
Притащили пчелку в суд.
Как весною, в голодуху,
С ней случилася проруха:

Захотелось пчелке есть.
Пчелка в терем проскользнула,
К банке с медом там прильнула.
Кражи той нельзя учесть,
Не измерить и не взвесить...
Суд решил пчелу повесить.

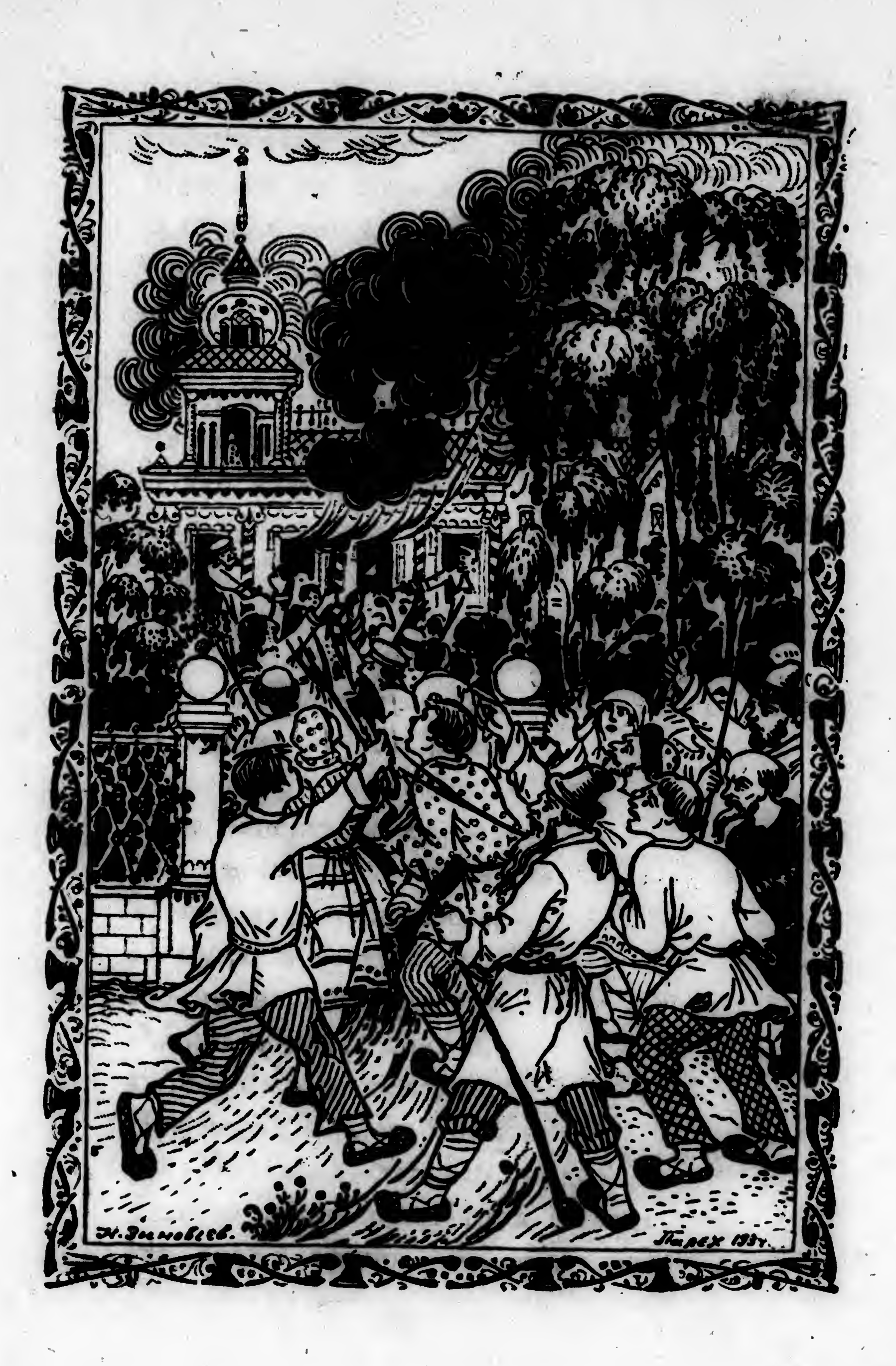
Был палач у Берендея.
Много лет он, не жалея,
Людям головы срубал,
Землю кровью поливал.

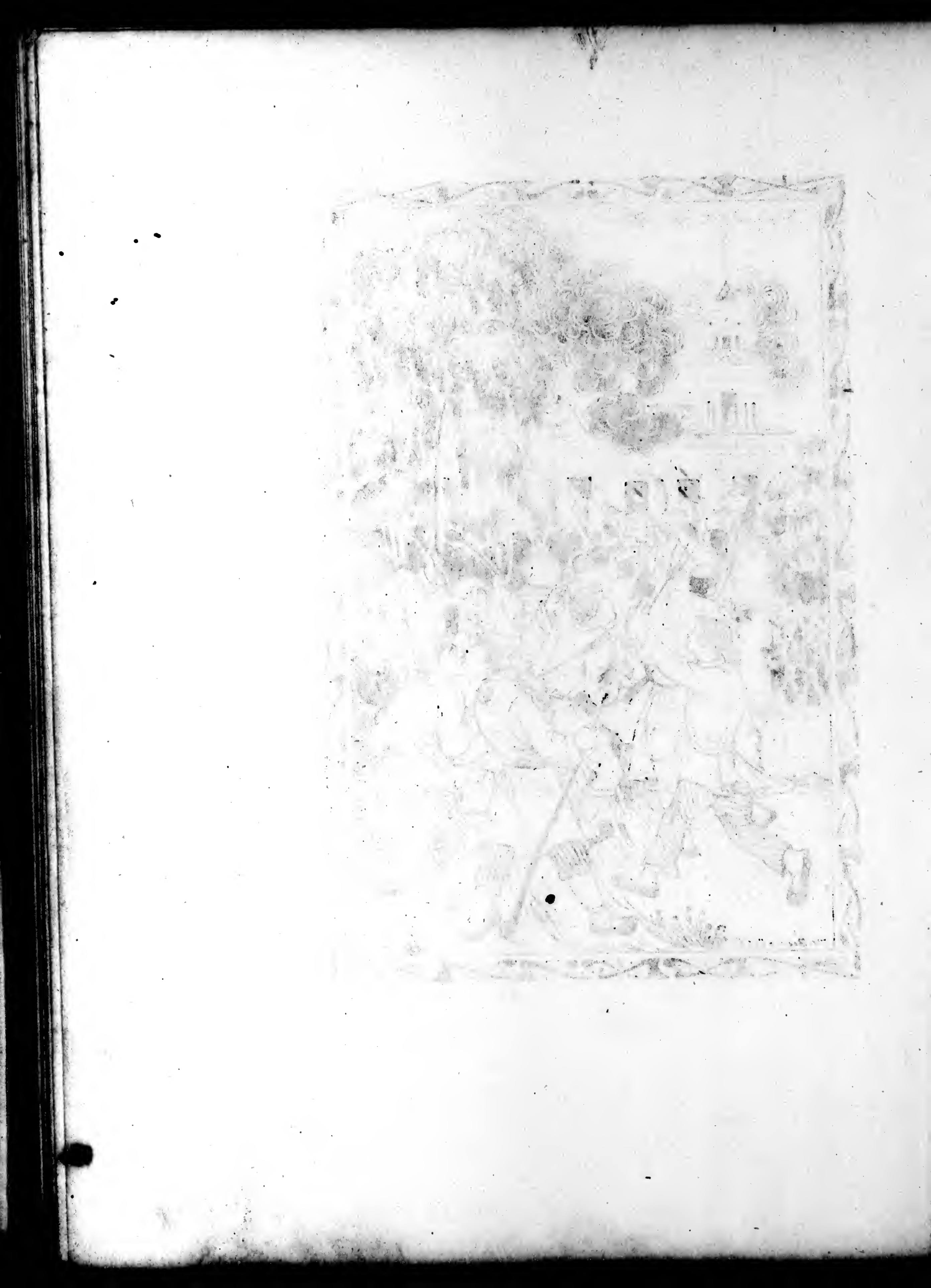
Берендей его любил,
Златом-серебром дарил;
Даже раз, напившись пьян,
Дал ему дворянский сан,
А в день царских именин
Много тысяч десятин.
Жизнь, как масляна, текла,
Глядь, беда на двор пришла:
Начал стариться палач.
Ноют руки, хоть ты плачь —
Не поднимешь топора.
Знать в отставку уж пора.
Царь хоть им и дорожил,
Но однакож отпустил.

Прикатил палач в именье
И принялся за строенье.
Сад разбил, построил дом,
Окопал его кругом
И, как делают все бары,
Вывел крепкие амбары.
Начал жить да поживать,
Да соседей прижимать,
А соседи, мужики —
Вахлаки и простаки:
Сами пашут, сеют, жнут,
Хлеб к помещику везут.

Дело катышком катилось,
Да вдруг хлеба не родилось;
Родилась лишь лебеда.
Мужики — не господа:
Нет для них еще беды,
Если много лебеды.
Коль повыйдет лебеда —
Будет подлинно беда.

Вот прошло две-три недели,
С лебедою хлеб приели.
— «До беды еще семь лет,
Будем живы, либо нет!» —

Н. Зиновьев.
Палех

Рассуждают мужики.
Мужики не дураки:
В ступах жолуди толкут,
Сытный хлебушко пекут.
И хоть мор детишек валит,
Да зато начальство хвалит;
Шлет в столицу донесенья,
Что спокойны все селенья,
И что хватит жолудей
Для крестьян и для свиней.

Но и жолуди повышли.
Мужики на выгон вышли
И глядят из-под руки
На помещичьи замки.
Ими заперты амбары,—
Все съестные там товары:
И гречиха, и пшеница,
И мука, и чечевица.
Полны верхом закрома,
Ально ломится крома,—
Барин был не без ума.
Вот народ к нему толпой:
— «Поделись, дескать, мукой».
Только к просьбам глух палач:
Не разжалобишь, — не плачь.

Что ни день, нужда сильнее
В славном царстве Берендея.
Вновь сбирается народ
У помещичьих ворот.
Впереди старик Данила:
— «Ты послушай, барин милый!
На тебя мы гнули век.
Будь же добрый человек:
Дай муки; тебе за ссуду
Лишку мы вернём по пуду.
А не дашь, так, вот те крест,
Царь напишет манифест,—
Будешь ты с своей землицей
Под мужицкой рукавицей».
А палач в ответ на это
В мужиков из пистолета.

Ночка на землю упала.
Вот и полночь уж настала,
Барин спит невинным сном.
Вдруг он слышит стук и гром.
— «Что за шум?»
— «Горят строенья.
Подожгли твое именье».
— «Эй, тушить!»
— «Не выйдет дело:

Почитай уж все сгорело.
Занимается и дом —
Хоть спастись бы нагишом!»
Враз бы барину капут,
Да сыскался конюх-плут.
Приготовил трех коней
Для господ и для детей;
Усадил на тройке той
Палача с его семьей:
— «С богом, барин, отправляйся,
Да смотри, не возвращайся!»

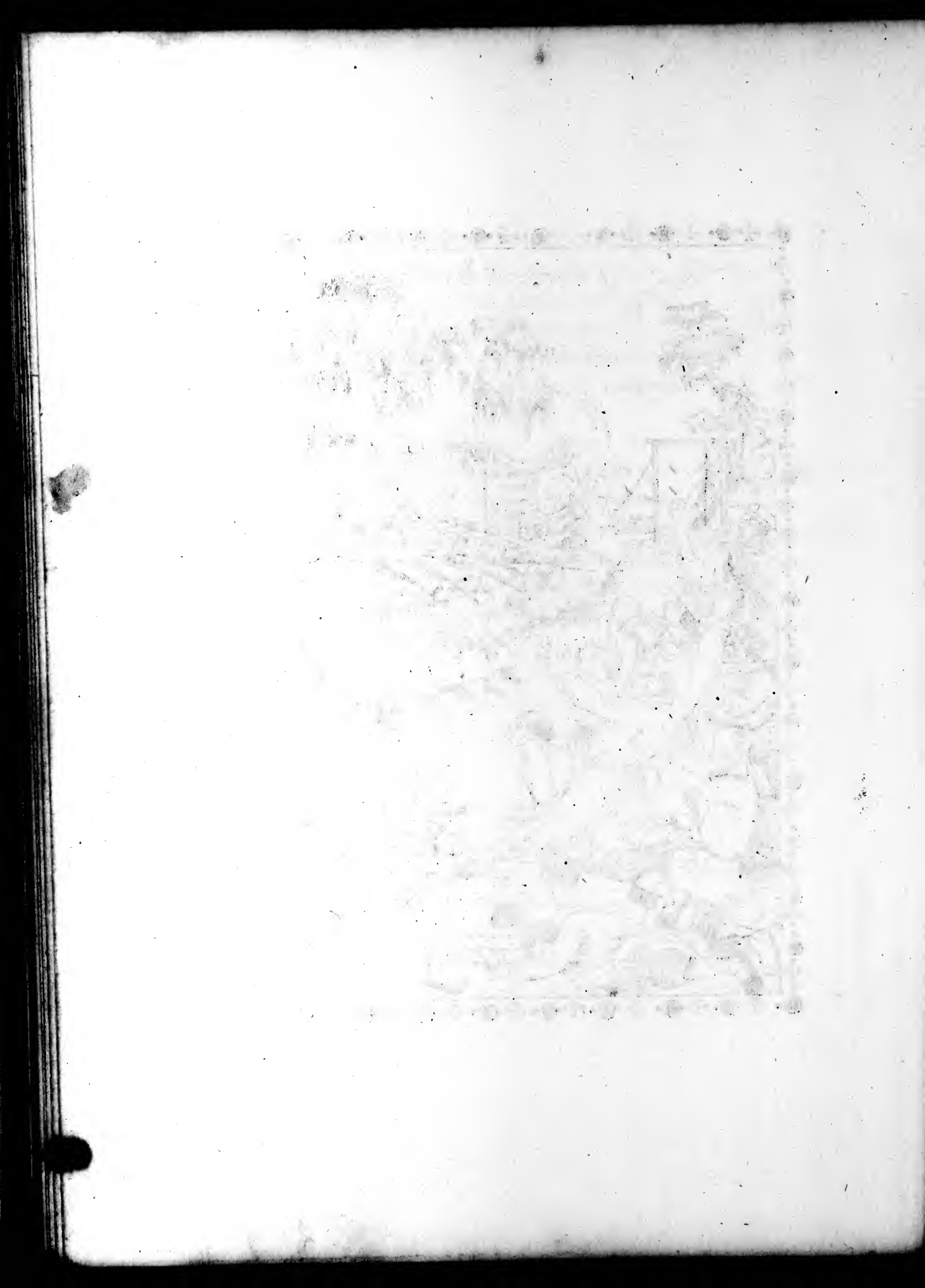
Поле топотом гудит,
В поле тучей пыль висит.
То не хан с ордой идет
Полонить честной народ;
Не свирепый царь Салтан
Грабить выехал крестьян,—
То идут, спешат стрелочки,
Всё крестьянские сыночки;
А начальство у стрелков
Из дворянских всё сынков.
Царь в поход их снарядил,
Поп крестом благословил,
А настал отправки час,—
Прочитали им приказ,

Чтобы в поле не робеть
Да патронов не жалеть.
Ой, и быстро же идут,
Ружья меткие несут.
Впереди-то генералы,
По бокам бегут капралы.
Офицеры на конях,
В эполетах, орденах,—
Всё команду отдают.
Барабаны громко бьют,
Трубы кованы трубят,
Пушки медные блестят,
Словно лес густой — штыки,
Пулеметики легки.

Ой вы, каиновы дети!
На кого ж орудья эти?

Вот к деревне подошли,
Пулеметы навели:
— «Эй, какой тут есть народ?
Выходи-ка весь на сход.
Вылезай из избищ вон, —
Мы покажем вам закон!»
Высыпают мужики;

Стали против них стрелки.
Генерал тут держит речь:
— «А! так вы именья жечь!
Бить господ по чем попало!
Вам землицы, видишь, мало!
Угощу вас до отвала:
Сколько хочешь, дам земли.
Эй, по-взводно, рота — пли!»
Грянул залп, за ним другой,
Огласил деревню вой.
Метки пули у стрелков:
Пало много мужиков,
А старинушке Даниле
Прямо в сердце угодили.
И пошла игра-потеха.
Да крестьянам не до смеха.
Бабы, девки, берегись!
Прыгай в реченьку, топись!..

А потом сожгли строенья.
Лишь остался от селенья
Придорожный старый крест...
Вот вам царский манифест!
А войска царевы с пеньем
По другим пошли селеньям
Волю царскую творить,

Мужиков землей кормить.
Хвалят их попы за это
И поют им «многи лета».

Жизнь — малина для солдата,
Коль идет он против брата.
Кормят, поят на убой,
Чаем голову хоть мой.
За расстрелянную душу
Табаку дают папушу;
На придачу фунтик мыла,
Чтоб стрелять повадней было.
Угощают и вином,
Да забыто об одном:
Сколько мылом рук ни мыть,
Братской крови с них не смыть!

Ой, солдатский грех тяжел.
Плач по всей земле пошел.
Знать, пришло лихое время,
Что крестьянские сынки—
Государевы стрелки —
Отреклись от рода-племя,
Идут кровь родную лить,
Села, слободы палить,

Н.Зиновьев

В пламя детушек бросать!
Горе вам, отец и мать,
Что у груди, у своей,
Вы вскормили лютых змей!

Люди войско проклинают,
А не ведают, не знают,
Что не сам солдат казнит,
А царь-батюшка велит.

На подмогу тем войскам
По селам и городам
Собралась другая рать,—
«Черной сотней» ее звать.
И дворяне, и купцы,
И духовные отцы
С Берендеем заодно.
Да оно не мудрено:
Ворон ворону, ведь, глазу
Не выклевывал ни разу.

Ходят с боем год и два.
И пошла везде молва:
Бунтари-то присмирели,—
Знать, пардону захотели.

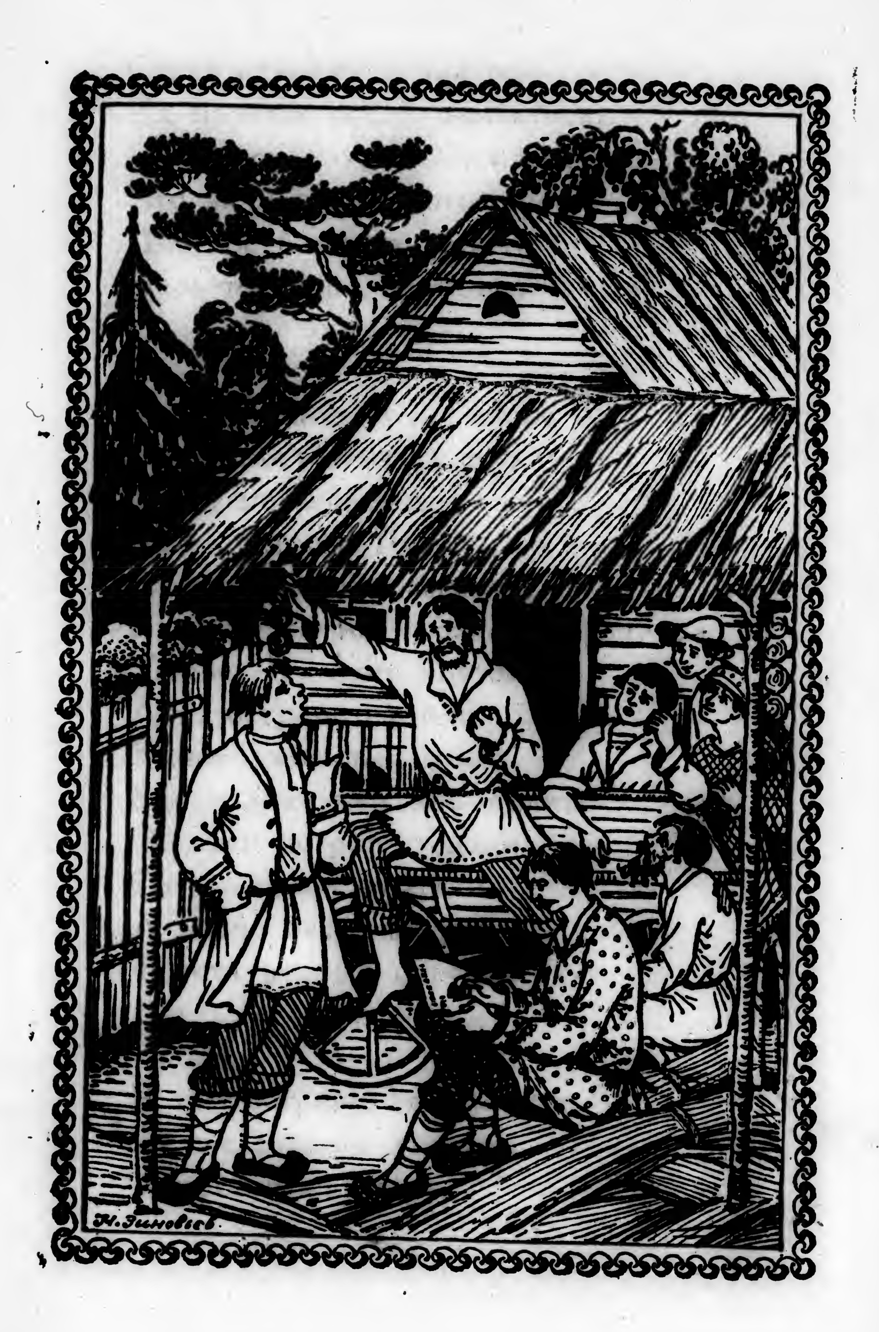
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Раз-два-три, четыре, пять,
Вышел месяц погулять.
Шесть-семь-восемь, девять, десять,
Царь велел его повесить.
Часты звезды набежали, —
Царю месяца не дали.

Сказка скоро говорится,
Дело мешкотно творится.
Год ли, два ли уж прошло,
Может, больше протекло,—
Воротились из полков
Дети наших мужиков,
В зипунишки обрядились
Да шапчонками накрылись,
Стали снова в мужиках,
Точно не были в стрелках.

Жизнь солдатская на диво:
Там тебе и чай и пиво;
А попал на сельский сход,—
Уж совсем иной почет.
Тут солдат уж не поят,
Даже в ребра норовят.
И начальство изменилось,
Как кокарда с них свалилась:
Заодно их с мужиками
Дуют крепко батогами.
Тут вояки догадались,
За кого допрежь сражались.

По задворкам да в глуши,
Где не видно ни души,

Стали кучками сбираться
Да промеж собой шептаться:
— «То-то глупы были мы,
Что за царский лютый род
Шли разбоем на народ:
Царь-то, вишь, страшней чумы».

Поведем рассказ мы снова
От житья-бытья худого
Да от моря-океана,
Да от острова Буяна.
В океане волны плещут,
В дикий остров грозно хлещут,—
Только гул идет кругом.
А на острове на том
За́мок каменный стоит,
Вкруг дремучий лес шумит.
Обнесен острог стенами
Со высокими зубцами,
А дозор несут вокруг
Триста верных царских слуг.

В том остроге, за замками,
За железными дверями,
Арестантики сидят,

Кандалы на них гремят.
То не воры, не злодеи,
Не лихие лиходеи,
А сидит, томится тут
Всё простой рабочий люд.
Всех, кто бился за свободу,
Кто хотел добра народу,
Кто стоял за волю-долю,
Берендей послал в неволю.
Меж других и наш Иван.
От царя приказ был дан:
Их не вешать, не казнить,—
Смертью медленной убить.
И никто из них не знает —
Как судьбу их царь решает.

А Ванюша под замком
Держит думу об одном:
Как бы с острова бежать,
Мать, отца бы повидать,
Да к царю потом пролезть,
Обо всем ему довесть.
И не ведает Иван,
Что густой уже бурьян
На их вырос пепелище;
Мать давно уж на кладбище,

И солдатики Данилу
Уложили спать в могилу.

Как-то вывели Ванюшу
На тюремный узкий двор,
Чтоб отвел себе он душу
Да послушал темный бор.
Ваня жадной грудью дышит,
Вдруг в бору он ржанье слышит...
— «Эх, каб мой теперь Конек,
Златогривый Скакунок!
Он бы вызволил меня.
Прикатили б мы в полдня
На родимую сторонку».
Сам смышляет и тихонько
Золотистый волосок,
Что вручил ему Конек,
Из кармана добывает
И надвое разрывает.
Вдруг через стену кто-то — скок!..
Глядь, стоит его Конек.
— «Ну, Ванюша, торопися,
На меня скорей садися,
Благо мы одни с тобой —
Зазевался часовой».
На Конька Иван взмостился,

Скакунок, что птица, взвился.
Сзади выстрел загремел,
Да Ивана не задел.

Конь над темным лесом мчится,
Прямо к берегу стремится,
Чрез овраги, горы скачет.
А Ванюша чуть не плачет:
Цепи руки-ноги жмут,
Цепи до крови их трут.
— «Потерпи еще, дружок,—
Говорит ему Конек,—
Как бы не было погони;
Слышно, скачут чьи-то кони.
Ступим вот на материк,
Цепи-крепи сбросим вмиг».
Вот уж чащу пролетают
И на берег выбегают.
Тут лежит пролив большой,
В девяносто верст с лихвой.
А в проливе том вода,
Как на море уж всегда,
В день два раза отливает —
И тогда пролив мельчает.
Вот они уж у пролива,
Да не время ждать отлива.

Уж как будто настигают;
Слышно, как собаки лают.
Говорит Конек Ивану:
— «Через море прыгать стану;
Крепче в гриву мне вцепись,
Да смотри, брат, не свались!»
И махнул чрез океан.

Не опомнился Иван,
А они уж на лугу,
На противном берегу.
— «Ну, Ванюша,— молвит конь,—
Разводи скорей огонь.
Обогрейся, разомнися
Да в путь дальний снарядися».
Ваня с лошади слезает,—
Цепь ходить ему мешает.
Конь в нее копытом бьет,—
Кандалы в кусочки рвет.

Говорит Коньку Иван:
— «Я от радости стал пьян,
И не нужен отдых мне.
На родимой стороне
Мне б хотелось побывать,

Мать-отца бы повидать».
Отвечает конь печальный:
— «На чужбинушке на дальней
Мать лежит в земле сырой
И убит родитель твой».

Что каленая стрела
Тут Ванюше грудь прошла,—
Зашатался и как сноп
На сырую землю — хлоп.
А когда глаза открыл,
Уж и вечер наступил.
Конь от радости заржал,
А Иван ему сказал:
— «Расскажу я Берендею,
Что наделали злодеи».
Усмехнулся тут Конек:
— «Ну, мой миленький дружок,
К Берендею доступ труден.
Хоть и в праздник, хоть и в будень,—
Не допустят мужика.
Да изволь уж; для дружка
Рад разбиться я в лепешку,
Отыщу туда дорожку.
Слушай. Я хоть не бывал,
Да от матушки слыхал,

Что на свете есть страна,
И богата и вольна.
Нет царей там, нет господ,
Всяк трудом своим живет.
Мать рассказывала мне,
Будто в чудной той стране
Невидимка-шапка есть.
Каб тебе в ту шапку влезть,
Ты тогда б уж мог смелее
В гости ехать к Берендею.
До земли той путь далек,—
Надо править на восток».
Ваня на ноги вскочил
И Коньку проговорил:
— «Так вези ж меня, дружок,
Поскорее на восток.
Помоги добыть ту шапку!»
И, схватив коня в охапку,
Начал он его ласкать,
Крепко в морду целовать.
— «Ну, да ладно уж, садися,
Только знай себе — держися.
Не мешает темень нам,
Завтра к утру будем там».

Ясный месяц диву дался,
Что Иван так быстро мчался.

И всю ночку напролет
Звезд веселый хоровод
За Иванушкой летел,
Обогнать его хотел.
Не догнали, хоть старались,—
Лишь по небу растерялись.

А как только рассвело,
Показалося село.
Не село, а прямо — чудо,
И никто еще покуда
Не видал подобных сел.
Тракт к нему широкий вел.
Видно, все в селе богаты:
Нету изб — одни палаты.
Вот ворота отворяют,
Люди в поле выезжают.
На плечах-то бархат, шелк,
Да и в брюхах, знать, не щелк.
Не мягка в краю природа,
Но усилием народа
В пышный дол превращена
Вся обширная страна.
Тут живут, не ожидая
Злой беды — неурожая,
И обычай здесь таков:

Ни запоров, ни замков.
Хоть и отперты все двери, —
Не случается потери.
Нету слуг тут, нет господ,
Всяк трудом своим живет,
И не знают, кто такой
Царь, помещик, становой.
Нет помину о наделе:
Все добро у них в артели,
И работ артельных ход
Обозначен наперед.
Хоть ребята — все не лежни,
Но кто трудится прилежней,
Ото всех тому почет.

Ваня мыслит: «Удивленье!
Коль такие тут селенья,
Что же будут города?»
— «Посмотри-ка вот сюда», —
Говорит ему Конек,
И еще подвысил скок.

Перед ними стройный город,
Переулками, садами,
Длинных улиц площадями

Весь на часточки распорот.
Что ни часть, то краше прочих.
Всякий дом на диво прочен.
Над громадою громады
Высят домен тяжких ряд.
В цветниках журчат каскады,
Зной полдневный холодят.
У литейных у цехов
Гул, подземное стенанье,
Грохот, тяжкое дыханье
В горны дующих мехов.
В домнах дрожь, металл клокочет,
Разорваться домна хочет.
Но искусною рукой
Мастер домне грудь вскрывает —
И металл в котлы стекает
Пламенеющей рекой.

Ваня думал, — дельно сметил:
— «Уж куда как город светел!
А буржуи, чай, живут
Да в дугу рабочих гнут?»
Скакунок ему ответил:
— «Не буржуй гнездится тут.
Здесь живет рабочий люд,
Тут кипит свободный труд.

Видишь, люди у завода?—
Богатырская порода.
И возьми еще в примету:
Жар в печах, а дыма нету.
Хоть бы где из длинных труб
Завитался дымный чуб.
До чего дошла наука!»
Пялит очи Иванок
На рабочий городок,
Рассуждает:—«Ну и штука!
А у нас-то сунься ну-ка:
Душит смрадом, дым и чад.
Не заводы,—сущий ад».

Конь бежит себе тихонько.
— «Вот та вольная сторонка,—
Говорит он,—примечай
Да на ус себе мотай.
Здесь не то, брат, что у нас:
Правит тут рабочий класс».
Наш Иван дивится чуду,
Говорит:—«Уж не забуду».

Вот опять просторный шлях.
Нивы тучные в полях
Клонят колос до земли.

Показался лес вдали.
Едут лесом. Тракт исчез.
Расступился темный лес.
На прогалине лесной
Виден терем расписной.
Виден терем, что гора
Из литого серебра;
Верх у терема зеркальный,
А вокруг забор хрустальный.
— «Видишь этот теремок?—
Говорит тогда Конек,—
Есть в том тереме хозяйка.
У нее и попытай-ка
Невидимку ту добыть,—
Не откажет, надо быть».

Ваня — скок на резвы ноги
И пустился во чертоги.
От хрустальных от ворот
Стежка торная ведет.
Он бежит по той дорожке,
Стукотят под ним сапожки.
По бокам зеленый сад,
А в нем зреет виноград;
Кисти — словно изумруд,
Сливы, вишенья растут,

И идет приятный дух.
В доме, видно, нету слуг:
Никто Ваню не встречает.
Вот проворно он взбегает
По широким ступеням —
И покои видит там.
Не покои, а игрушка.
А в одном сидит старушка
Под косящатым окном.
Не стара она лицом.
Нашим бабам в тридцать лет
Хорошо б такой же цвет.
Только волосы седые,
В кудри пышно завитые.
Да сидит она в очках,
Держит книжечку в руках
(Видно, грамотна была).

Бабка парня приняла:
— «Здравствуй, добрый молодец!
Знать, не маленький конец
Нынче в ночь ты отмахал?
Знать, нигде не отдыхал,
Что шатаешься, как спьяну?» —
Говорит она Ивану.
— «Из полуночных сторон

Я привез тебе поклон.
Царь страны той — Берендей,
Пятьдесят под ним царей»,—
Отвечал Иван.— «А, знаю!
Каждый день о нем читаю.
Натворил он много бед,
Говорит про то весь свет.
Это он тебя прислал?»
— «Нет. Я, бабушка, слыхал,
У тебя шапчонка есть.
Попрошу тебя я в честь:
Одолжи мне шапки той,
Я свезу ее домой.
Вишь, царя мне для доклада
До зареза видеть надо.
Так вот я накроюсь ею
И пройду в ней к Берендею;
А без шапки — хоть что хошь —
Во дворец не попадешь».
Улыбнулася старушка:
— «Эх, и прост же ты, Ванюшка!
Мало, видно, Берендей
Закатил тебе плетей.
Аль он сам про все не знает,
Аль газет он не читает?
Да изволь уж, так и быть,—
Почему не одолжить.

Как наденешь шапку эту,
Щеголяй себе по свету.
Хоть сойдись с царем самим, —
В ней ты будешь невидим».
Ваня шапочку берет
Да за пазуху кладет.
И хотел, отдав поклон,
Во-свояси ехать он,
Да старушка не пустила:
— «Наберись-ка прежде силы,
Закуси да отдохни,
На кроватке вот сосни,
А уж с утренней зарей
Поезжай себе домой».

Ночевать Иван остался,
Закусил, поотлежался
И, набравшись свежих сил,
В путь обратный покатил.
А старушка на дорожку
Подала ему лепешку,
Еще письменный прибор
Да узорчатый шатер.
Ехал близко ли, далеко,
Ехал низко ли, высоко,
Но к концу другого дня

Стал он сдерживать коня:
Берендеевой столицы
Перед ним блеснули шпицы.
Не поехал он к заставе,
А свернул коня к дубраве.
Тут шатер он свой расставил,
У шатра Конька оставил,
Невидимку-шапку вздел
И в столицу полетел.
Вдоль по улицам идет,
Сам он видит весь народ,
А его никто не видит,
Не затронет, не обидит.
Вот уж он и у дворца,
И по лестнице крыльца
Незамеченный идет.
Не закрыли пред ним вход
Часовые у порога,—
Всюду вольная дорога.
Ваня мыслит:— «Вот так шапка!
И затейница же бабка!»
По коврам он вверх идет,
Обгоняючи народ.
Во дворце в тот день был бал,
— «Знать к обеду враз попал!» —
Говорит себе мужик —
И с другими в зал проник.

Там у печки притаился,
И не мало подивился,
Как узнал, что за народ,
Во дворец к царю идет.
В раззолоченной палате
Сам, как жар сияя в злате,
Царь их ласково встречает,
За столы с собой сажает.
Что ни гость, то важный пан.
Никогда еще Иван
Не видал такого схода.

Тут был славный воевода:
Из военного похода
Он вернулся со стыдом,
Не вступая в бой с врагом,—
У царя же тем он взял,
Что рабочих расстрелял.
Был другой тут генерал:
На войне он не бывал
И не видывал врагов,
Но с полгода мужиков
По десятку вешал в день
Да спалил сто деревень.
Царь за подвиг таковой
Ему — орден золотой.
Был тут старый адмирал,

Что восстанье усмирял:
Он-то в праздничек престольный
Пушки ввез на колокольни
Да втащил и пулемет,
Чтоб расстреливать народ.
Царь и этому в награду —
Золотую бляху к заду.
На гостях кафтаны шиты,
Златом-серебром покрыты.
На ином — такой наряд,
Что за полу аль за зад
Прокормить бы можно в год
Душ поболе пятисот.
Были тут и две царицы,
Две Заморские Синицы,—
Гостей ласково встречали
И с царем за стол сажали.
А придворные девицы
Голы все до поясницы.
Был не мало тем смущен
Деревенский парень Ваня.
«Что за штука, — думал он, —
Не готовится ль тут баня?»
Только нет, за стол все сели.
Пили, пили, ели, ели,
А потом мужчин и дам
Развозили по домам.

За гостями царь встает
Да и в спаленку идет,
Подпираясь посошком
(Знать, не брезговал винцом).
Вслед за ним плывут царицы,
Две Заморские Синицы.

А Иван в покоях бродит,
Незаметно всюду входит.
Пышны царские палаты:
Всюду серебро и злато,
Самоцветные каменья.
Райских птиц несется пенье,
Что расселись на ветвях
В царских комнатных садах.
Ваня ходит и вздыхает,
Сам с собою рассуждает:
— «Вишь, сколь много здесь добра!
А у бедного с двора,
Чай, последний уж лоскут
Царю в подать волокут».
Он до спальни уж добрался,
Да вдруг царь тут показался.

— «А, кажись, ведь царь-то пьян»,—
Говорит себе Иван

И идет за ним тайком.
— «Фу, как пахнет мужиком!»—
Закричали вдруг царицы,
Две Заморские Синицы,
Зажимая ручкой нос.
Тут Иван уже не снес:
С головы он шапку снял
И всем виден разом стал.
Берендей остолбенел,
Сразу хмель с него слетел,
И в испуге две царицы
Заслонили себе лица.

А Иван промолвил так:
— «Я мужик, Иван-дурак.
А попал на царский двор
Оттого, что с давних пор
Положил царя проведать
(Чуть не сел с тобой обедать).
Ты слыхал ли, Берендей,
Про рабочих про людей:
Про того, кто пашет, жнет,
Рубит лес и сталь кует.
Кто всех кормит, одевает,
Кровь на войнах проливает,
Роет землю, словно крот,

8 С. Б.-В.

Соль и уголь достает,
Добывает медь, свинец?
Кто твой выстроил дворец?
Царь, скажу те напрямик:
Ты без нас бы стал втупик.
Ты ходил бы без сапог,
Ты бы с голоду издох.
Ведь на наш на кровный грош
Ты богато так живешь.
Ты владеешь вот один
Миллионом десятин,
У меня ж, у мужика,
Всей землишки два вершка.
Ты с нас десять шкур дерешь,
А взамен нам что даешь?
Всякий день ты сыт и пьян
И забыл, что у крестьян
В деревнях, с двора на двор,
Ходит голод, ходит мор,
И солдатики твои
В нашей плавают крови.
Ты у нас детей берешь
И на нас же их ведешь.
В целом царстве нет угла,
Где б не делали нам зла!..
Дай же мне теперь ответ:
Знаешь ты про то, аль нет?»

Тут царицы вдруг вскричали,
Обе в обморок упали.
На Ивана царь с клюкой:
— «Растакой, такой, сякой!
Вздумал ты царя учить!
Чортов сын, собачья сыть!
Деревенщина, мужик,
Сицилист и бунтовщик!
Я велю тебя повесить,
Да плетей допрежь отвесить!
Шкуру в ленты изорвать!
Взять его! Связать! Сковать!
Он с рабочими спознался
И от них ума набрался!»
А Иван, ступив в сторонку,
Уж хотел надеть шапчонку.
Тут еще царю наддал:
— «Верно, парень! Угадал!
Жить бы век мне дураком
Да ломать из года в год
На царя, купцов, господ,
Класть попу в карман доход,
Каб не встреча с Куликом,
Большевиком!»
Челядь к Ване тянет лапки,
Да Иван опять уж в шапке,—
Из очей у них исчез

И пошел обратно в лес.
Тут Конек его встречает,
Мордой ласково кивает:
— «Что, хозяин мой, не весел,
Что головушку повесил?
Ты ходил ли во дворец?
Что поведал царь-отец?
Аль отведать дал нагайки?»
Рассказал тут без утайки
Наш Иван про все, что видел,
И как царь его обидел.
А на то ему Конек:
— «Эй, послушай, куманек!
Ты без толку не грусти:
Быть не всё царю в чести.
Сослужу тебе я службу,
Чтоб ты помнил мою дружбу.
Ты ступай-ка во шатер,
Сядь за письменный прибор
Да строчи-ка ярлычки,
Чтобы знали мужички,
Как царь-батюшка живет,
Как морочит он народ».

Входит Ваня во шатер,
Сел за письменный прибор,

Пишет письма-ярлычки:
«Гой вы, братья-мужички!
«Полно, полно, други, спать,—
«Время волю добывать.
«Разогните-ка вы спины
«Да повырежьте дубины.
«Встаньте, други, брат за брата
«На лихого супостата:
«Супостат наш — Берендей
«Со всей челядью своей!»
Пишет Ваня день и ночь,
Уж писать ему невмочь.
Тут вошел в шатер Конек,
Златогривый Скакунок.
— «Ну, Иванушка, довольно.
Уморился ты, чай, больно.
Ляг на коврик, отдохни:
Боевые идут дни.
А те письма я уж сам
Развезу по деревням».
Ярлычки Конек тут взял
Да все в сумочку поклал,
На себя суму навесил
И поклон дружку отвесил.
Ваня тут же точно сноп
На шелковый коврик — хлоп.
И, забывши обо всем,

Засыпает крепким сном.
Спал он долго ли, аль мало,—
Только солнышко стояло
Над узорчатым шатром,
Как Иван услышал гром.
Он вскочил на резвы ножки,
Натянул свои сапожки.
— «Уж вставать давно пора»,—
Молвит он — и из шатра
На полянушку выходит
И по небу взором водит.
На безоблачной лазури
Ни отколь не видно бури.
— «Что за штука,— говорит,—
Да откуда ж гром гремит?»
И на дерево он влез,
Чтобы глянуть через лес.
Видит — в поле пыль столбом,
И оттоле слышен гром.
Видит он: народ бежит,
Что вода в котле кипит.
Много красных там знамен,
Острых кос несется звон.
Попереди строй рабочий —
Друг за дружкой так иточат.
Их ведет седой Кулик,
Большевик.

Оглашает чисто поле
Громкий клич — все шире, боле:
«Пролетарии всех стран,
Собирайтесь в общий стан!»

И солдатики бегут,
Да народа уж не бьют.
Понял каждый, знать, солдат,
Что мужик солдату — брат:
Все с народом заодно.
Эх, когда бы так давно!
Ваня с дерева скатился
И бегом туда пустился.

Во дворце ж у Берендея
Вышла новая затея.
Царь опять на сход зовет
Генералов, воевод,
И собранью молвит так:
— «А дела-то, ведь, табак!
В царстве снова кавардак.
Растревожен вновь теперь я:
То и жду по всякий час —
Полетят от нас и вас
Пух и перья.
Но, раскинуть коль умом,

Бунт, авось, опять уймем».
Посудили, порядили,
Да и тут же порешили:
«Двинуть армию в поход —
Усмирить опять народ».
Вдруг приходит донесенье,
Что средь войска возмущенье:
Отказались казаки,
А гвардейские полки
За народ идут в штыки.

Словно треснул неба свод
Над собраньем воевод,
Только лишь они узнали,
Что войска от них отпали.
Все пустились, кто как мог,
От народа наутек.
Фараоны и шпионы,
Не по-свойски обряжены —
В кацавейках, в зипунах,
Убегают впопыхах.
У иного в саже рожа:
С трубочистом будто схоже.
Только врешь,
В трубочисты не пройдешь!
Что же? Многие сплошали —

Головой в мотню попали.
Берендей чуть жив от страха.
Уж он плакал, охал, ахал.
Так и чудится ему,
Что везут его в тюрьму
И на площади дворцовой
Ставят столб ему сосновый:
Знать, уж близок час расплаты...
Пусты царские палаты,
Ниоткуда нет подмоги,—
Все бегут — давай бог ноги.
Мать-царица, как на горе,
Укатила тож за море.
Ой, догадлива старуха!
Как досадливая муха,
Только вьется вкруг Сысой,
Сам не свой,
Хоть и с хитрой головой.
Все кидает так и сяк,—
Не попасть бы тут впросак:
За царя ли постараться,
Аль народу передаться?

Вдруг пришел царю на ум
Злой кудесник, чортов кум.
Захватив с собой царицу,

Он бежит к нему в светлицу.
И едва его застал:
Чародей уж умирал,
Лишь успел сказать:— «Беги!
Да сынка побереги!»—
И черна душа из тела
В когти к чорту полетела.
А народ уж тут как тут,—
Вот сейчас дворец возьмут.
Да по счастью тайный ход
Из дворца того ведет.
Бросив скипетр и венец,
Покидает царь дворец.
А за ним в единый миг
И Сысой тем ходом — шмыг.

К морю царь с семьей бежит,
Где корабль его стоит.
А за ними след Сысой
Заметает бородой.
Впереди них виден брод,
За спиною же — народ.
Добежал Сысой до броду,
Повернул лицо к народу
И сказал тут речь он вкратце:
— «Не гоните меня, братцы!

Вот порукой моя честь, —
Помогу я вам завесть
В царстве новые порядки!..»
А в ответ и крик и свист:
— «Жулик! Шулер! Стрекулист!»
— «Уходи-ка без оглядки!»
— «Уходи, покуда цел!»
— «А его бы взять, ребятки,
На прицел!»—
Из солдат заметил кто-то.
— «Али вздернуть на ворота!»
Тут Сысой — во все лопатки,
Лишь в воде сверкают пятки.

Той порою Берендей
Со царицею своей
И с наследником родимым,
Милым чадушкой, единым,
К синю-морю подбегает,
Где корабль их поджидает.
Вот по кладочкам спешат,
На кораблик сесть хотят.
Да царица тут со страху
Пребольшого дала маху:
Сын-наследничек из рук
У ней в воду выпал — бух!

Но царю уж не до сына,
Коль над ним самим дубина.
Мальчик тонет и кричит,
Царь отчаливать велит.
Вскоре смолк ребенка крик.
Тут из жалости мужик
Из воды мальца достал
И товарищам сказал:
— «Захлебнулся паренек.
Ну, да что ж?— каков пенек,
Чай, такой же и отросток!»
И швырнул его с подмосток.
Воевода же Сысой,
Сняв кафтан свой золотой,
Вплавь догнать корабль спешит;
Царь веслом ему грозит.
А народ от смеха стонет:
— «Ну, уж этот не потонет!»

Царь катит на всех парах
У народа на глазах;
Вслед ему на берегу:
«Улю-лю!» да «гу-гу-гу!»
Вдруг раздался страшный грохот,
Заглушив всеобщий хохот.
Океан пучиной зинул,

Столб воды под небо вскинул,—
Напоролся царь на мину.
Ломь и трупы там и сям
Заныряли по волнам,
Да и те из глаз пропали.
А в народе рассуждали:
— «От такой, прости бог, гниды
Сколь мы вынесли обиды!»

Собирался тут на сход
Весь трудящийся народ.
Посудили, порядили,
Перво-наперво решили,
Чтоб не быть у них царям.
Ни царям, ни их псарям
Не бывать бы и в помине,
А стояла бы отныне,
Не вводя народ в изъян,
Власть рабочих и крестьян:
Власть Совета Депутатов,—
Для народа первых братов.
А потом насчет земли
Положенье навели:
Вырвав с корнем наперед
Весь помещичий приплод —
Господишек, кулаков,

9 С. Б.-В.

Мироедов-мужиков —
Взяли в общее владенье
Все угодья и именья.

Дале, боле, шире, шире:
Много фабрик в нашем мире.
Там трудятся дни и ночи
Миллионы рук рабочих.
Значит, должен всяк завод
На рабочий стать учет.
Говорит Иван тут:— «Браты!
Отобрали мы заводы
У буржуйской у породы,
Заберем уж и палаты.
Чай ведь, строили дворцы
Не дворяне, не купцы,—
Наша братья, простецы.
Повернем-ка те хоромы
Под народные под домы.
Шли оттуда мрак и гнет
На трудящийся народ,—
Свет пускай теперь идет.
Заодно отмерим волю
И на женскую мы долю:
Чтоб для нас и наших жен
Был у нас один закон».

Старички тут зашумели:
— «Ты, Ванюха, брат, в уме ли?!»
А Иванов сват Нефед
Повыступил вперед:
— «Коли с нами баб сравнять,
Их потом и не унять.
Тут, к примеру, весь твой дом
Баба вывернет вверх дном».
А Иван молчать умеет,
А уж скажет, так отбреет:
— «Вижу, слаб ты, сват, умом,—
Бабой держится весь дом.
Где бы сам ты был, когда б
Не рожались мы от баб?
Мать детей на свет родит,
А в глаза ей смерть глядит.
Где нет бабы — жизни нет,
Не стоит без бабы свет!»
Поддержал Ванюшу сход,—
В голос весь народ орет:
— «А Иван-то, ведь, не врет!
Равны баба с мужиком,
Держат мир они вдвоем!»

Без отсрочек, без откладок
Навели везде порядок.

Вот порядок навели
По лицу родной земли:
По селеньям, городам,
По заводским слободам.
И пошла у них наново
Жизнь счастлива и здорова.

Сказка — складка, —
Вышла гладко.
Да какой же в сказке прок?
Добрым молодцам урок.
Рассказал же сказку Савва,
А за то ему и слава!

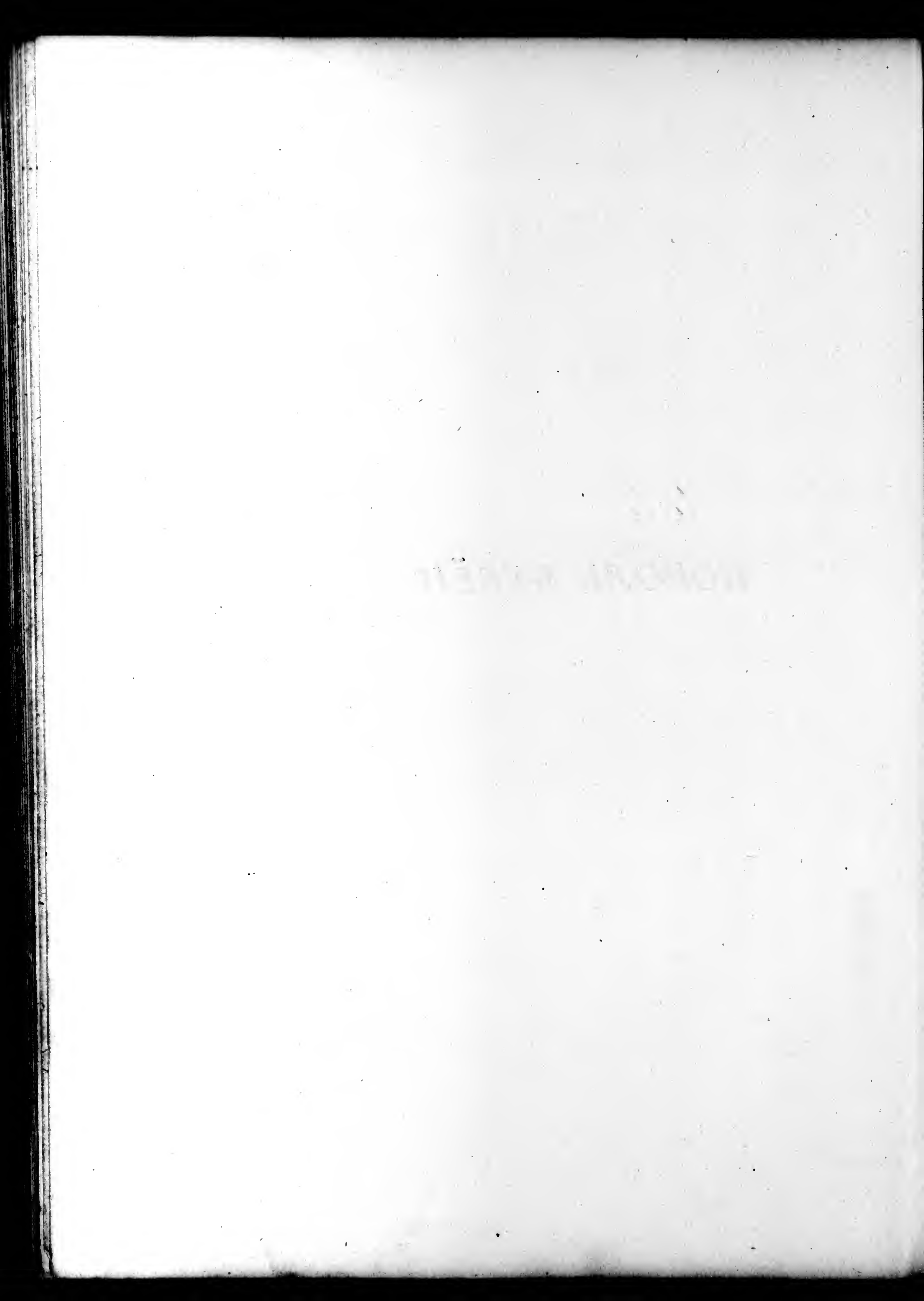
Ай, ду-ду! Ай, ду-ду!
А сложил я сказку эту
И пустил ее по свету
В девятьсот шестом году.
Ай, ду-ду!

1906

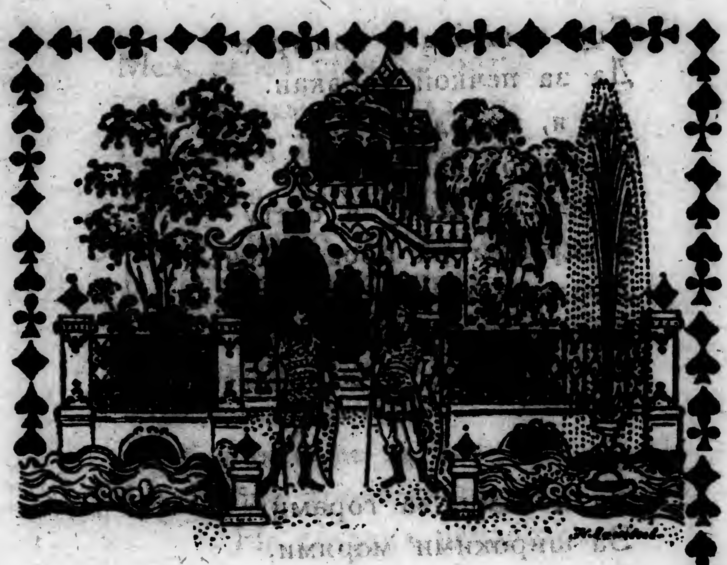

КОРОЛЬ БУБЁН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Уж как дедушка Тарас
Сказки сказывать горазд,
Разуважил нас вчерась.
Слушал деда кот в печурке,

Еще кошечка в конурке
Да за печкой таракан,
Да я, молодец Иван.
А теперя сказку эту
Расскажу всему я свету —
Мудрецам на просвещленье,
Дуракам на посрамленье,
Старым людям на утеху,
Детям для посмеху.

За долами, за горами,
За широкими морями,
Во бубновом славном царстве,
Во червонном государстве
Жил да был король Бубён
Шел о нем далеко звон,
Что богат он и силен.
Цвел вокруг его палат
За тройной оградой сад.
В том садочке круглый год
Напролет
Вис на ветках сочный плод.
Фрукты зрели, солнцем рдели
Поспевали в две недели
И катились сами в рот
Без хлопот.

Меж дерев стоял дворец,
Словно каменный ларец,
С золотой литою крышей —
В царстве не было ей выше.
Вел к дворцу мощеный ход
В трое кованых ворот,
А при них, одеты в латы,
Мамелюки бородаты
Содержали караул,
Чтоб никто не заглянул
На Бубна урочным оком,
Не сглазил ненароком.

А снаружи, у ворот
Бил высоко водомет.
С шумом вниз вода спадала
И в недальний пруд бежала,
Где для царского стола
Рыба красная жила.

Перекинут был мосток
Через светлый тот прудок.
В час положенный утра
Тут сходились повара
С королевского двора,
И присяжный эконом
Им указывал перстом

Стерлядь, нельму аль таймень,
Словом, рыбу, что в тот день
Полагалась на обед.
И хотела та иль нет —
Не облыжно бают люди —
У Бубна была на блюде.
Дивовались даже птицы
Чудесам его столицы
И летели за моря,
Без умолку говоря.

Во дворце бубновом слуг
Было много для послуг:
Короли, тузья, валеты,
Дамы, пышно разодеты.
Лестно было всякой масти
Под Бубном стоять у власти.
У одних на губах пух,
У других и слух потух,
А седым и молодым —
Воеводой Бардадым.
Был он крепко нравом лют
И по царству первый плут.

Челядь верой, правдой служит
И Бубён живет—не тужит.

Чуть глаза продрал в постели,
Слуги роем налетели:
Умывают, одевают,
Сон с очей его свевают,
Кормят птичьим молоком
И гулять ведут потом.
Глядь, и время пролетело,
На обед пора приспела,
А обед — мое почтенье!
Разносолы и печенья,
И напитки и варенья,
Пряник с маком, да какой!
Пообедал — на покой!
Отдохнул — за пряник снова,—
Уж известна жизнь царева.

В праздник, свитой окружен,
Любоваться едет он
На парады, на разводы,
Если нет дурной погоды.
А случится дождь или снег,
Во дворце не без утех.
Тут и песни, тут и плясы,
Балагурье, белендрясы.
Если шутки надоели,
То Бубён лежит в постели,

Аль играет на щелчки
С дураками в дурачки.
Коль выигрывает сам,
Лупит дурней по усам,
А, случится, проиграет,
Лоб придворный подставляет.

Аль, бывало, разговор
С мудрецами заведет:
— «Правда ль, — спросит их в упор, —
Будто есть такой народ,
Что царей не признает?»
— «Мало ль что ни мелют зря!
Как же можно без царя?
Нам и слушать-то не гоже» —
Говорят вельможи.

Так вольготна, весела
В царстве бубен жизнь текла,
И стоял у них закон:
Вору голову на кон.

В год двенадцать ровно раз,
В тот же день и в тот же час,

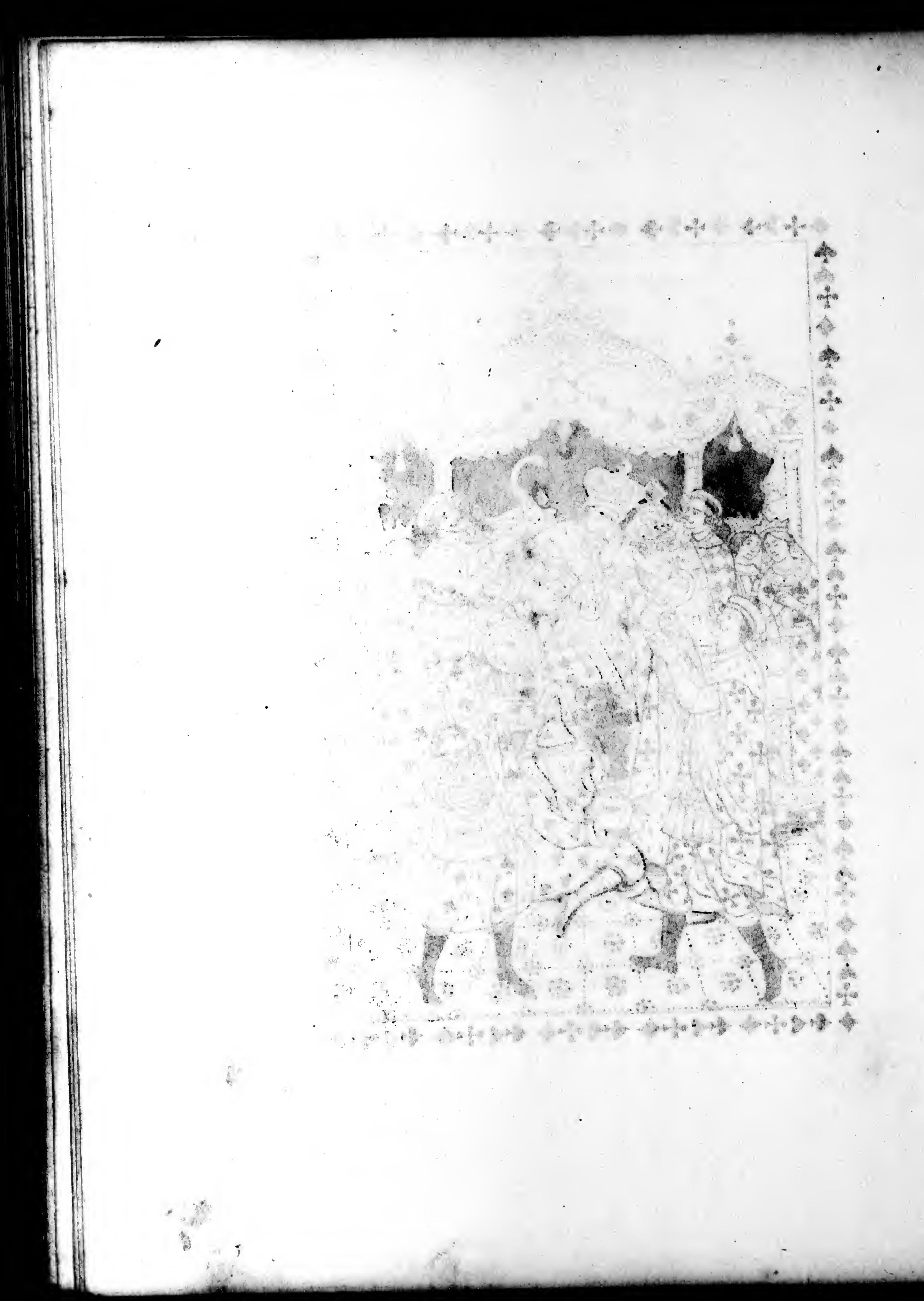
У пруда, на берегу,
На зеленом на лугу,
Собирался грозный суд
И творил расправу тут.
Суд не слишком разбирался,
Кто и с чем ему попался,
И, во здравье короля,
То и знай кричал: «Петля!»
Сколько б за день ни казнили,
Никогда не хоронили,
А, бывало, прямо прут
С эшафота в рыбный пруд.
От суровой той расправы
У бубен добрели нравы:
Зритель к дому шел утешен,
Что остался не повешен.

У Бубна за годом год,
Что минуточка, идет.
Жил да жил он, словно плыл,
Глядь, наткнулся на копыл:
По неведомой причине
Вдруг предался злой кручине,
Стал он плохо спать и кушать,
Не желает песен слушать,
Пряник в рот ему нейдет

И не льется в душу мед.
В золотой своей короне,
На червлёном пышном троне
Черной тучей он сидит,
На придворных не глядит.

Отродясь такой печали
В царстве бубен не встречали.
Обуял валетов страх,
Заметались впопыхах:
Что тут делать? Как тут быть,
Горюшко избыть?
То сзывают лекарей,
Чудодеев-знахарей,
То найдут Бубну в забаву
Лебедь белую аль паву
Неописанной красы,
Аль с кукушкою часы,
Аль лихого скомороха,
Толку нету, дело плохо:
Захирел совсем Бубен,
Хоть и прочно был скроен.
С горя многие вельможи
Инда сами спали с рожи.
Только здрав и невредим
Воевода Бардадым.

Был он черной, винной масти,
Оттого и тверд в напасти.
Напролет и дни и ночи
Думал он, что было мочи,
Мозговал и так и сяк,
Напрямик и накосяк.

А у бубен был закон
(Хоть давно забылся он):
Если в царстве злоключенье,
Голод, мор иль наводненье,
Иль напасть стряслась другая,
Бубны, часу не моргая,
Клич давали по мастям,
Областям и волостям,
Чтобы шел на общий сход
Дошлый, выборный народ.
Выборные поорут
Да напасть и ототрут.

Тошно было воеводе
Выступать по старой моде,
Но—в плутах первейший жох—
Думал так: «Не выдаст бог!»
Вот качает он указ:

«Повеленье, мол, от нас
Всем сословьям и чинам,
Чтобы жаловали к нам,
В королевскую столицу,
На такую-то седьмицу.
А затем-де в вас нужда,
Что большущая беда
Над державою нависла».
И внизу поставил числа.
Подписал указ Бубен,
Как сквозь сон.

Ходят старосты по селам,
Ходят с сердцем невеселым,
Под окошками тук-тук:
— «Собирайся, братцы, в круг
По Бубновому указу,
Бардадымову приказу».
Завозились на печи
Старики-бородачи,
Зашушукались старухи,
По домам пуская слухи.
Глядь, на выгонах, у сел,
Собираться люд пошел.
Словно майские жуки,
Зажужжали мужики:

— «Ду-ду-ду, ду-ду-ду!
Не наткнуться б на беду:
Гнать послов в [illegible]цу-град,
А воротятся [illegible]»

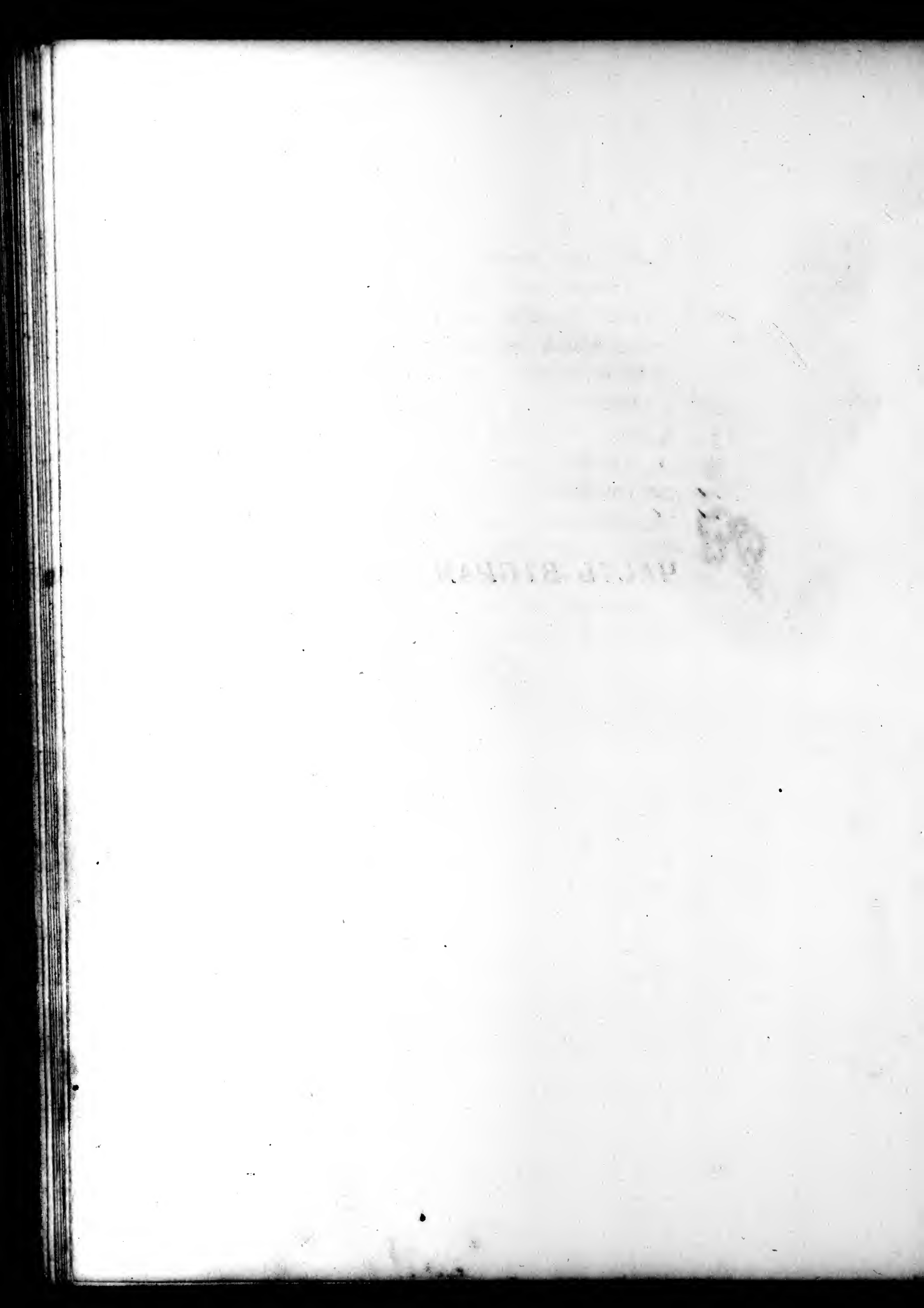
[illegible]

[illegible]кики
[illegible]лаки,—
[illegible] слов,
[illegible] послов,
А [illegible]рокурат —
[illegible]ушка Панкрат:
У [illegible]емлишки с пядь,
[illegible]в полна полать,
[illegible] ништо! К трудам охоч,
Дед пускает за день [illegible]
А в едушке недохватка —
У него опять ухватка:
Подпоясался потуже,
И не вздумаешь про ужин.

Вот пошли послы в столицу,
Мерят лаптями землицу.
А за ними следом пух
Между бубен дивный слух:
Будто всем известно ноне,
Просидел у них на троне,

В продолжение трех лет,
Не Бубен — его валет,
С толстым [illegible]хом, сытой рожей,
С королем до [illegible] схожий.
Тот валет су[illegible]л и вешал,
Пировал и чор[illegible],
А Бубен ходил по [illegible],
Как монашек по [illegible].
Что увидел он в[illegible],
Обойдя свои вла[illegible]
И дознавшись, сколь [illegible]арод
Терпит зла от воевод;
Что по этой-то причине,
Близок он теперь к кончине.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я загадку загадаю,
В огороде закопаю:
Как год пройдет,
Калач взойдет.

Вот в назначенные сроки
Собрались в столицу доки.

Бардадым, хоть с тайной болью,
Их встречает хлебом-солью.
Провели гостей в палаты,—
Почитай на всех заплаты,
Кто боится и ступнуть,
Где ж тут голос протянуть.
А иные завели
Разговор насчет земли.
Дескать: — пашни больно мало;
Дать прирезку б не мешало
Маломочным и худым.
Тут как цыкнет Бардадым:
— «Да за этакую речь
Мало голову отсечь!»
Прикусили язычки
Молодежь и старички,
А иных и жуть взяла:
«Бог помилуй, смерть пришла!»

Ан повыручил ребят
Старый дедушка Панкрат.
Штуклеватый старичонка,
Речь повел он очень тонко:
— «Не серчай ты, ваша милость,
Что на слове сходка сбилась:
Больно темны мы умом;

Мужики, в лесу живем.
Кабы ежели б наука,
Тут была б иная штука,
Полированный мужик
Он и чорта ублажит,
Распутляет всяки сети...
Вы — отцы, мы — ваши дети.
Как изволишь, так положим
И казну вам приумножим».
Тут уж все взялись за ум,
И пошел в палатах шум:
— «Верно! Правильно, Панкрат!
В самый, то есть, аккурат!»

Воевода пообмяк.
— «Вот давно бы, братцы, так.
О прибытке для казны
Помышлять мы все должны.
Речь теперь не о землице
Али прочей небылице.
Чаю, всем известно ныне
(Ведь живете не в пустыне),
Что пресветлый наш Бубен
Сильно духом поврежден.
Ночь без сна проводит он
И вкушать не хочет пищи
Ни за тыщи.

Вот и надобно умом
Пораскинуть нам о том,
Как найти Бубну забаву,
Чтоб пришлась ему по нраву:
В этом, значит, вся задача.
Если выйдет вам удача,
Буду я сердечно рад
(Понатужься, брат Панкрат!)—
А задачи не решите, —
Ну тогда уж не взыщите!»
Тут у всех, что были в зале,
Вновь поджилки задрожали,
И хитрущий сам Панкрат
Поосунулся назад.

Вдруг, неведомо откуда,
Точно взялись из-под спуда,
Растолкав локтями сход,
Вышли двое наперед.
Оба молодца в угаре,
Сажей вымазаны хари,
По тузу промежду плеч,
Колесом вертится речь.
На собранье покосились,
Воеводе поклонились

И, прокашлявшись в кулак,
Воспрогбворили так:
— «Мы — ребята-ухачи,
Портные и ткачи.
  Утюжим, гладим,
  Одежу ладим
  Крестьянам, барам
  Почти задаром,
  По рвам, по лазам
  Дубовым вязом
  Шугаем в дождь
  И в ведро тож».

Сдвинул брови воевода:
— «Не равна стоит погода;
За иную, братцы, речь
И голов не уберечь.
Если быть хотите живы,
Говорите прямо: чьи вы,
И придумали ль отгадку
                                На загадку?»
— «Скажем, дядюшка, попроще.
Мы из города Легощи;
А живем с того не тощи,
Что и впрямь мы мастера,—
Шьем богатые убранья,

От сорочки до кафтанья;
Шьем не просто, с наговором,
Да обводим их узором:
Красным золотом, шелками,
Самоцветными камнями,
Ставим солнце на груди,
Ясный месяц позади,
А по полам звездный ход —
С ног вались, честной народ!
Как убранье ни красиво,
Это все еще полдива,
Диво будет впереди.
Штука вот в чем, погляди:
Ту одежду увидать
Только умному подстать.
Дурень, сколько ни смотри,
Хочешь в оба, хочешь в три,
Не увидит даже нитки
И останется в убытке.
Чай, теперь смекаешь сам:
Нам загадка по усам.
Ты к Бубновым именинам
Сшить обнову повели нам;
Короля в нее одень, —
И увидишь: в тот же день
Хворь спадет с него, как шуба, —
Будет любо!»

Бардадым куда как рад.
Сулит короб им наград,
Коль портные не обманут,
А обманут, — в воду канут.
Забожились мастера:
— «Век не видеть нам добра,
Если платье будет худо».

Вдруг в палате вышло чудо:
Стенка справа шелохнулась,
Шелохнулась, разомкнулась,
И открылся тут балкон,
А на нем король Бубен,
По-домашнему одет.
Ручкой всем послав привет,
Он потом промолвил так:
— «Я, конечно, не дурак.
Все я слышал, все я знаю,
Сходку с миром отпускаю.
Расходитесь по домам
И готовьте подать нам.
Вы же, други-мастера,
Завтра ж, с раннего утра,
За работу, на урок,
И чтоб в самый малый срок
Мне была обнова сшита —
И квита!»

Вот засели мастера,
Ткут и дни и вечера.
А припас идет для них
Из дворцовых кладовых —
Злато, шелк и серебро,
Многоценное добро.
Бардадым всему учет
Строго-настрого ведет:
Отряжает часть на стан,
Две кладет себе в карман.

День за днем, прошло семь ден.
Ходит козырем Бубен;
Чует, в теле прибыл вес.
— «Не иначе, как с небес
Дождалися мы чудес»,—
Говорят его вельможи,
Да и сами пухнут тоже.
На девятый день Бубен
Встал с постели огорчен,—
Скверный сон увидел он.
Кличет тотчас Бардадыма,
Говорит ему:— «Нет дыма,
Дыму нету без огня,
Так послушайся меня.

Ты возьми-ка двух подьячих,
Двух подьячих, самых зрячих,
Понаведайся к портным:
Много ль ткать осталось им
И не сделано ль растраты?
Вот посланцы бородаты
Идут в ткацкие палаты.
— «Бог на помощь, господа!
Нас король прислал сюда, —
Знать нам надо для отчета:
Как идет у вас работа?»
Мастера им оба в слово:
— «Почитай, тканье готово.
Загляденье — полотно!
Полюбуйтесь, вот оно».
Бардадым глазища пучит,
Лишь себя напрасно мучит.
Где же кро́сна? Где навой?
Видит, стан стоит пустой.
По пустому ткач-ловкач
Челноки гоняет вскачь,
Водит бёрдом взад, вперед.
Бардадыма про́нял пот.
«Ну и провор же народ!—
Мыслит он.— Да как же так?
Ведь уж я ли не мастак.
Из-под носа у Бубна

Я казну гребу до дна,
А тому и невдомек.
Тут же вот какой урок!»
Только слыша, как дьяки
(А уж те не дураки),
Утираяся от поту,
Хвалят чистую работу,
Сам промолвил: «Да, тово...
А когда же за шитво?»
— «Да хоть вылезем из кожи,
Мы в неделю все сытожим».
Воротился точно с кладом
Бардадым к Бубну с докладом:
— «Очень тонкая работа».
А король ответил: — «То-то!»

Заступает день за ночь —
Сутки прочь.
Уж Бубну терпеть невмочь:
Так охота нарядиться,
Что в яву обнова снится.
Он к портным посланцев тропит:
Шить торопит.
А портные оба в слово:
— «Почитай что все готово.
Только, вишь ты, для приклада

Шапку золота нам надо
Да каменьев самоцвет —
Кисет».
Хоть пожался Бардадым,
Отпустил, что надо, им.
Вот и подлинно готова
Королевская обнова;
На золоченном подносе
Трое слуг ее приносят.
Трое слуг — Бубну почет,
Платье ж весом, кто учтет,
Чик в чик —
Золотник.
Вот в большой зеркальной зале
Примерять Бубну почали.
Мастера вокруг хлопочут,
Лясы точат, так и строчат,
Выхваляя свой товар,
Что чудесней птицы-жар.
Вторит им Бубнова свита:
— «Превосходно платье сшито!»
Предоволен и Бубен,
Хоть до-нельзя обнажен.
Перед зеркалом вертится,
Дам придворных не стыдится,
Ходит передом и задом,
Удивляя всех нарядом.

И велит, без промедленья,
Из казенного именья
Дать портнягам награжденье:
Наградить и угостить,
Во-свояси отпустить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Диги,
Диги,
Диги-дон!

Били,
Били, —
Гонят вон!

Над столицей гул и звон.
Повелел звонить Бубен,
Что, одет по новой моде,
Он появится в народе.
И молва идет о том,
Что потом
Будет всем большая милость:
Вишь, бумага объявилась.

Уж по улицам столицы
Ждут народа вереницы.
Вот и пушки загремели,
Трубы медные запели,
Барабаны трам-трам-трам!

По разостланным коврам,
Пышной свитой окружен,
Из дворца идет Бубен.
Бирючи бегут вперед,
Разгоняючи народ.
Кто не скоро сторонился,
Тот на месте ж и платился:
Наколотят палкой зад,
Да и плакать не велят.
По простору валит стража,

Держит ружья для куража.
Бардадым суровым взглядом
Наблюдает за парадом.
Сам Бубен идет позади
В предиковинном наряде:
С головы до пяток гол,
Не глядя на женский пол.
Вслед за ним шагает свита,
Позументами увита.
А за нею стража вновь,—
Так и зерит, хмуря бровь.

Только вот калачный ряд.
Вдоль него валит парад.
Рад глазеть базарный люд,—
Так со всех сторон и прут.
Молча смотрят мужики,
Позабывши снять шлыки;
Не выходит и «ура»
Из мужицкого нутра.
А молодки и девицы
Рукавами кроют лица,
Чтоб не видеть срамоты,
Королевской наготы.
Ан случилось и похуже.
У большой базарной лужи

На возу сидел дурак,
Ал-колпак,
И дудил себе в кулак.
Дурень рад,
А как глянул на парад,
Закричал на весь народ
Да во весь широкий рот:
— «А король-то, братцы, гол!
Видно, в баню он пошел!»
Инда дрогнул весь базар.
Шелохнулся млад и стар,
Да как грянули с верха́:
— «Хо-хо-хо!»
— «Ха-ха-ха!»
Сметил дело воевода:
«Бунт выходит меж народа»—
И в минуту дал наказ
Разыскать смутьяна враз
Да в приказ.

Пристава в народе рыщут,
Дурака меж умных ищут,
А кругом идет потеха,—
Все катаются от смеха,
Ухватившись за бока.
Где ж найти тут дурака!

Домекнулся и Бубен,
Что промашку сделал он:
Что портные, хоть проворы, —
Были истинные воры.
Вот, прикрыв рукой, что мог,
Он со всех пустился ног
Через город, на конец,
В золоченный свой дворец.

Ладил в самые ворота,
Да свильнул у поворота
И потрафил на мосток,
Что лежал через прудок,
Где для царского стола
Рыба красная жила.
Оступился — да и в пруд, —
И капут.

— Ах, ах!
— Ах, ах!
Обуял придворных страх.
Короли, тузья, валеты,
Дамы, пышно разодеты,
Заметались впопыхах.
Со страсти
Много тут придворной масти

С Бубном нырнуло заодно
На самое дно.

Сказки конец —
Делу венец.

Кому чин, кому стан,
Кому шитый кафтан,
А нам бражки стакан.
А мы бражки попьем
Да еще заведем.

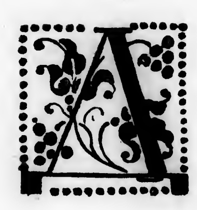
1916

КАЛИНОВ-ГОРОД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

а у старого старика
Два сына,
У Иван-Озера
Два отродья:
Шат Иванович,
Дон Иванович.

Уж как Шат
Виловат, путляват,
Сколь ни ша́тился,
В Оку впятился.
А Удатный-то Дон
Прямиком пошел —
Через степь,
Через дол —
К синему морю,
На вольную волю.
Он сам пошел
И Донец увел.

На Дону, на Дону
Села, слободы,
Города на Дону
С посадами,
Казачьи станицы
Богатые.
А было
На Донце-реке:
Городам — город —
Тут Калинов-город
Калинов-город
Высоко стоит,
Высоко стоит,

Далеко смотрит,—
Видит тихий Дон
До самого моря.

А было
В городе Калинове.
Уж как тут беда случилась:
Умерла
Молодая вдова —
Портомойница.
Не то беда,
Что умерла вдова,
А то беда —
Оставила сиротку:
Милое,
Единое,—
Чадушко Иванушку,
А Иванушка от роду
Полугоду.

Уж вы, ветры,
Ветры буйные!
Вы повейте
С четырех сторон,
Вы сорвите

С лица белого
Гробовое покрывальице.
Вы верните,
Ветерочики,
Дыханьице
В ретиво сердце.
Вы раскройтесь,
Очи ясные,
Разомкнитесь,
Уста сахарные.
Ты повстань, повстань,
Родная матушка,
Посмотри
На свое дитятко.
Каково-то ему
В сиротаньице
Без желанных родителей:
Ведь камешка
Словно отколочек,
Чурочки
Словно отрубочек.

Проходили мимо
Добрые люди,
На чужую беду
Ужахались,

Промеж собой
Судачили:
— «Кто ж дитя
Питать будет,
От нужды-горя
Укрывать будет?»

Горюша прошла,
Повыла,
Старуха-побируха
Совет дала:
— «Ложился б ты, дитятко,
К мамке в дом —
И дело с концом».
Шел поп
С кадилом,
Потупил лоб —
И мимо.

Проходил из посада
Сапожный мастер.
Борода у мастера
Черна, длинна,
Смоляные волосы,
Кудрявые,

Меж косматых бровей
Нос горбом урос.
Походя мастера
Лейбой зовут,
Величают
Левоном Абрамовичем.

Заглянул сапожник
Во вдовьину горницу:
Под святыми хозяйка
Холодна лежит,
В колыбели младенец
Криком кричит.
Кричит, не унимается,
Матери дожидается.

Подумал тут сапожник:
«Пропал должок за покойницей».
Да что ж Лейбе
В сердце стучит?
В сердце стучит, —
Сирота квелит.
Шагнул мастер к люльке,
Взял ребенка на руки,
Грубые руки —
Рабочие,

Завернул в сапожный фартук,
Понес к жене Хае.
  А Хая —
Хозяйка прямая.
На ногах чем свет,
А порой и ночи нет.
Всемером у ней галчат,
По залавочьям пищат.
                Ай-вай! —
Только поспевай:

Тому кашки,
Тому молочка,
Тому из чашки,
Тому из рожка.
Кого приголубит,
Кого отчубит,
А всех равно любит.

Завидела Хая мужа,
Екнуло у ней сердце.
А Лейба ей молвил:
— «Вот, жена, тебе гостинчик.
Возьми-ка мальчонку,
Покорми своей грудью».

А Хая запальчива,
У ней лицо разгарчиво.
На мужа она бурей:
— «Ты в уме, Лейба,
Иль вовсе спятил?
У тебя своих детей
Печи, полати
(Дай бог всем здоровья).
А достатков у нас —
Только с хлеба на квас.
А тут еще подкидыш...
  Ой, боже ж мой, ой!
Да и мальчик-то — гой...
Ах, что скажут злые соседи?»

А Лейба на это молвил:
— «Нам соседей слушать, —
Век не переслушать.
Не к ним ходим хлеба кушать.
Пораньше я вставать буду,
Молотком да шилом
Поспевать буду.
У меня работы
Всегда вдоволь.
Пойду ль к Алтынову-купцу,
К нашему ль Мойше Глытаю, —

Всяк меня выручит,
За мое изделье
Целкачи мне выкатит.
Мы своих деток выкормим,
Сиротку в люди выведем».
А на мужнино слово
У Хаи десять готово:
— «Никто тебя не выручит,
А всяк тебя вымучит.
Нашел благодетелей!
Хороши оба-два:
Про Алтынова молва
По дорожке бежит —
Живоглот, —
С живого шкуру дерет,
А наш Мойша — тоже
Упаси от него, боже».

В сердцах Хая
Дитяти грудь сунула.
Сама не унимается,
Свои обиды
Мужу вычитывает:
— «Да я и в нашу субботу
За работой до поту.
Да у нас дочь Рива

(Ай, как красива!) —
Растет, подрастает,
А приданого нету,
Отец не припасает».
Слушал, не слушал Лейба.
Попреки жены
Меж ушей пускал.
Вот уж он за работой:
Дратву потягивает,
Молотком пристукивает —
  Огонь-мастер.
На него глядя,
Угомонилась Хая,
Только головой качает.

От сладимого
Молочка еврейкиного
Дитя успокоилось,
Пригрелось у теплой груди,
Спит, улыбаясь.

А Хая сердцем отходчива —
Вздохнула,
Слезу сморгнула,
Сиротку приголубила.

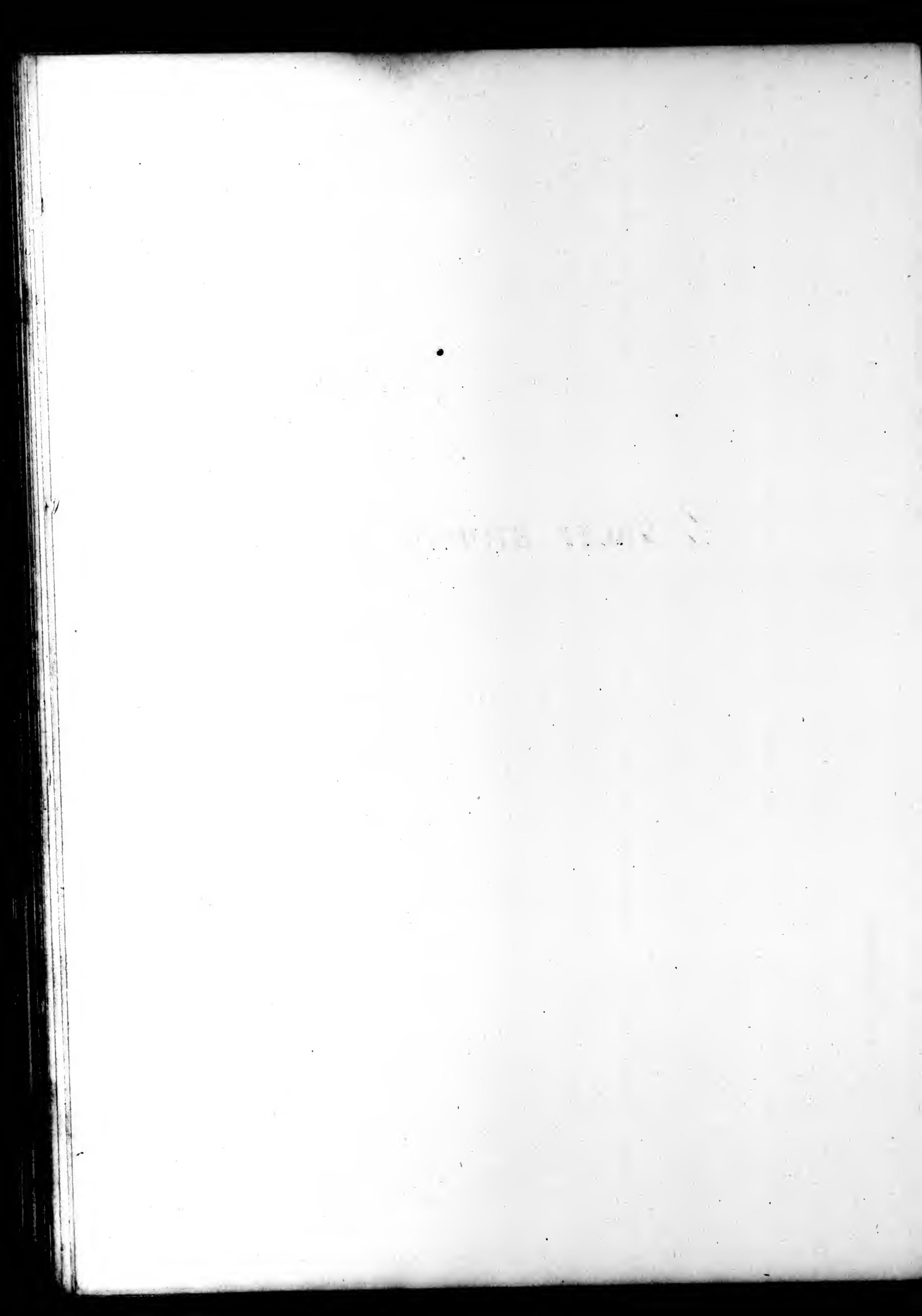

Палех 1934 г.

Дубок между елочек —
Растет Иванушка
Между Борухов,
Ривок, Янкелей,
Своих братьев названых.
Зовет Лейбу тятей,
Жену его Хаю
За мать почитает.
А у евреев обычай —
Не всем за свычай:
Чуть поднялся от полу —
Марш в школу.

Глядь, уж мастер Лейба
Вполовину стал сед,
А Ване скоро десять лет.
Он книжку читает,
Не запинается,
Пером ведет, —
Узор плетет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Как над Питером,
Над столицей,
Заходила
Туча грозная.
Над большим дворцом
Становилась,

Громовой стрелой
В трон ударила.
Разметала трон
В мелкие щепочки,
Злат царев венец
Расплавила.
Во второй раз
Стрела ударила.
С генералов,
Офицериков,
С верных
Царевых прислужников,
Золотые
Сорвала погонушки.
Попалила
Грамоты дворянские —
Дворянские,
Купецкие,
Монастырские —
На поля,
На леса,
На угодьица,
На заводы,
Палаты белокаменные.
Под народ
Пошли именьица,
Под народ

Пошли угодьица,
Под мозолистую руку
Палаты белокаменные.

А барам
Это дело не слюбилось,
Буржуям
Поперек живота стало.
Полетели стрелы
Во все стороны,
Во все города,
Пригороды,
В посады,
Слободы.
Без огня
Калинов-город
Загорается,
Без дыма
Занимается.

По всем площадям,
По улицам
Полыхают
Кумачи красные,
Веют
Знамена багровые,
Народ бурлит,

Что море кипит.
У Лейбы
Ушки на макушке.
Стали
Все равны друг дружке:
Русский,
Еврей,
Татарин,
Только б не барин,
Не живоглот.
Вот!

Молодой купец,
Дородный молодец,
Тут охал, кричал
На всю улицу:
— «Вы, друзья, братцы,
Ребятушки!
Помогите
Моему горюшку,
Вы отстойте
Мою лавочку:
В этой лавочке
Дорогой товар,
Дорогой товар,
Да скатный жемчуг,

Вот скатный жемчуг,
Красно золото.

Эх, амбарушки
Крепко складены!
Собирали добро
Деды, прадеды.
Много на душу
Греха приняли,
Много вдов, сирот
Изобидели.
А теперь добро
Пойдет по ветру,
По ветру, —
По всему по миру!»

Да не тушил пожара
Сапожный мастер
Левон Абрамович:
Сам в силе
Да четыре
У него сына,
Старшие дочери
Невеститься почали, —
Всех турнул в работу:

Кого в красную роту,
Кого в женотдел, —
У всех дело.

Жаль,
Иван не дорос,
А купорос:
С красным флагом
Всегда впереди —
Бегом,
Когда другие шагом.
Вот и гляди!

А Хая
По деткам вздыхает,
Хоть сердцем рада:
Дескать, вот —
Рабочему люду награда.
Лейба — стар,
Сам на работу стал:
Сердцу мило,—
На сапожной фабрике
Первый заводило.
Он раньше прежнего
Подымается,

Чаще прежнего
Молотком стучит:
Тачает сапоги
На красную армеюшку,
На красную армеюшку,
На всю Расеюшку.

Проходили мимо
Добрые люди,
В мастерскую к Лейбе
Заглядывали,
Лейбу спрашивали:
— «Ты зачем встаешь до свету,
Работаешь не по декрету:
Вместо восьми часов
Гонишь вдвое?»

Отвечал сапожник
Добрым людям:
— «Ай же вы, люди добрые,
Недогадливые.
Боле прежнего
Работа нам надобна:
Затеяна у нас стройка,
Строеньице не малое.
Не на год строимся,

Не на два года,
А чтоб стоял домок
Крепок —
Внукам, правнукам, —
Чтоб жили в нем,
Поживали
Да нас бы добром
Вспоминали».

Уж ты, Дон, мой Дон,
  Тихий Дон.
Течет река по долине,
Широк лист на калине,
Шире того на дубочке
Вырезные листочки.
Высок дуб, зелен,
Никто его не мерил.

Как на том на дубе
Сидит ясен сокол.
Высоко сидит,
Далеко смотрит,
Видит тихий Дон
До самого моря.
Вот подул, подул

Низовой ветер,
Он поднял с моря
Сизой туман,
Он погнал, погнал
Тучу темную,
Непогодливую.
Замутился
Славный тихий Дон.

На славном было
На тихом Дону.
Не вороны-стервятники
Слетались,
Не волки рыскучие
Сбегались.
Съезжались тут,
Собирались
Царские прислужники:
Генералы,
Адмиралы,
Полковники,
Офицеры —
Золотопогонники,
Помещики,
Купцы именитые —
Русская буржуазия.

Они крутые брюхи
Выпячивали,
Свои тугие мошны
Выкачивали,
Говорили
Слова умильные,
Умильные словеса
На разные голоса:

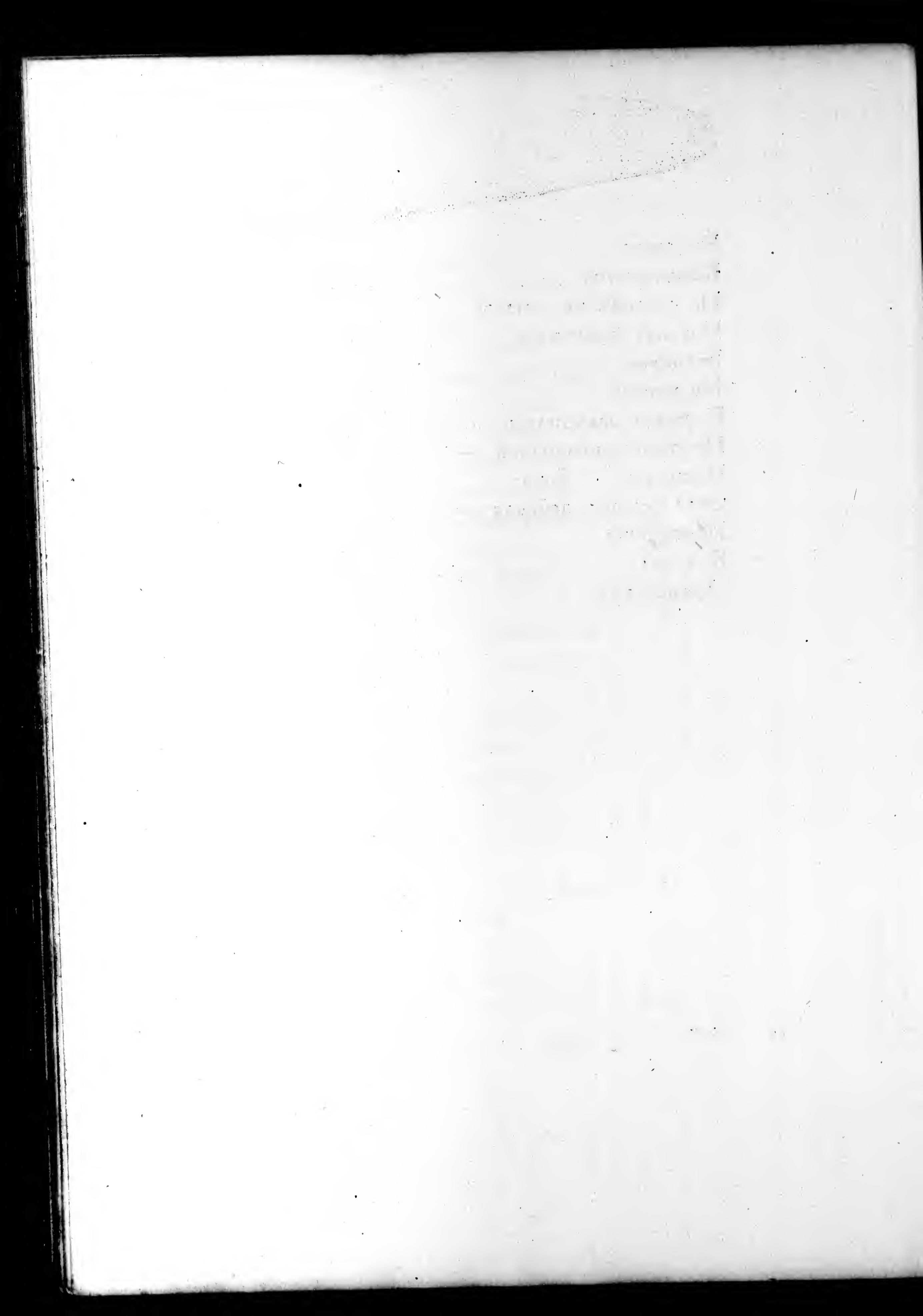
— «Ой вы, казаки богатые,
Донские,
Кубанские,
Терские, —
Богатые,
Домовитые!
Зашла над нами
Невзгодушка,
Невзгода зашла
Немалая.
Вы припомните, братцы,
То времечко:
Как у нас было
При царе-батюшке —
Сладко пито,
Сладко едено,
Цветного платья

Вдоволь ношено,
Удалых походов
Много делано,
За батюшку-царя
Сколь душ загублено.
А нынче те порядки
На слом пошли.
Завелась на Руси
Народная власть:
Рабоче-крестьянская,
Советская.
Мужика
Сравняла с барином,
Казака —
С лапотником,
Попов, монахов
Изобидела, —
Хотят Русь
Поддать антихристу.
Кабы вы нас, ребятушки,
Выручили,
Власть бы советскую
Вытурили,
Народных комиссаров
Выкурили.
А припасены про вас

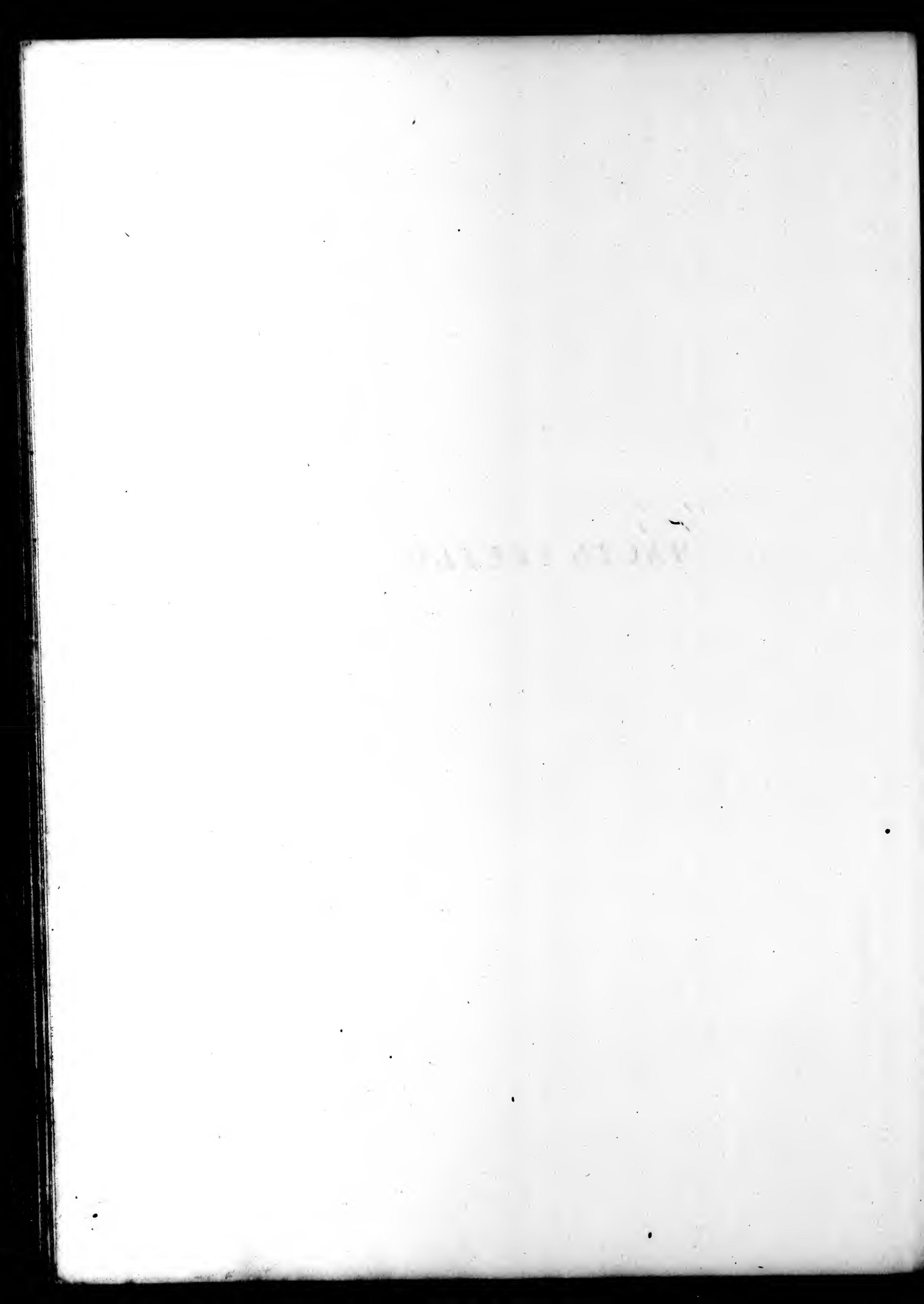
У нас денежки,
Заготовлена казна
Немалая, —
Денежки русские,
Подарочки заморские».
Пошли тут звоны
По всему Дону:
— «Испоганилась
Русь православная.
Поднимайтесь-ка,
Други-станичники,
Домовитые казаки,
Богатые,
Заодно поднимайтесь
С их благородьями.

Седлайте, ребята,
Борзых коней,
Берите винтовочки
Скорострельчатые,
Нагаечки припасайте
Ременчатые.
Мы Советскую землю
Повытопчем,
Красную армию
Разгоним нагайками,
Рабоче-крестьянскую власть

Вырежем,
Коммунистов
Не оставим на семены,
Награду заслужим
Великую».
Не курево
В степях закурилось,
Не пыль запылилась, —
Поднялась с Дона
Сила белогвардейская —
Помещичья,
Кулачья,
Офицерская.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Поле, поле,
Раздолье широкое!
Хорошо поле упахано,
Хорошо ускорожено.
Только упахано
Не сохой, не плугом,

Взборонована
Не частой боронкой.
Упахано поле
Конскими копытами,
Взборонована поле
Свинцовыми пулями,
Булатными пиками,
Засеяно поле
Белыми телами,
Удалыми головами.
А полито поле
Горячей рабочею кровью.

Да что над Калиновым
Звон малиновый? —
Во все колокола:
— «Наша взяла!»
Держись, Калинов-город!
Подкатил под городок
Стальной гусек,
С дымом, паром,
С донским товаром:
Все ребята вороваты,
Белой армии солдаты.

Эх, донцы,
Удальцы!

У них чубы
Всклочены,
Мозги теменью
Заколочены,
Глотки водкой смочены.

— «А ну-кось,
Господи Исусь,
За матушку Русь,
Державную,
Православную!»
Пошли гулять,
Погуливать —
По улочкам,
Переулочкам,
Площадям,
Закоулочкам.
Держись Калинов-город!

Вчера —
Над исполкомом
Красное знамя рдело,
А нынче —
Грузным мешком
Мотается мертвое тело.

Вчера —
«Пролетарии, соединяйтесь!»
А нынче —
«Спасайтесь! Спасайтесь!»

Вчера —
Советская власть
Буржуя жала,
Не дожала.
А нынче буржуй
Выпустил жало.
На площади, у вокзала,
Сбиты пленные в кучу.
Тут —
Заседает полевой суд.
У генерала
Глаз колючий,
А говорит без гнева:
— «Ну-с, начинаем.
Подходи слева.
Скажи-ка, любезный друг,
Сколько у тебя рук?
Ты, братец, глух, что ли?
Да хорошенько посмотри.
Ну, конечно же, две, а не три.

И на обеих мозоли?»
—«Известно, рабочий...»
— «Знаю: рабочий —
К бунту охочий».
И загремел:
— «Под расстрел!
А вот у этого
В саже рожа —
Рабочий тоже?
Под расстрел!
А ты? Белоручка?
Хитрая штучка!
Да не обманешь, друг.
Наверно, политрук,
А не то — командир
Красной роты!
Вздернуть на ворота!
А ты, приятель, вижу, сед:
Бунтовщик с давних лет.

Покажитесь-ка и вы, красотка.
Наверно, были комиссаром?
Ведь от наших недаром
Удирали так ходко.
Да врешь!
От меня не удерешь.

Ординарец! Ужотка
Доставь-ка мадам
На штабную квартеру».
— «Есть!»
— «Эй, вы! Кто еще там?
В душу вашу веру!
Никому пощады не дам:
Кто молод, кто сед, —
Всех в один след —
Расстрелять!
Для примеру!»

Эй, донцы,
Удальцы!
У них чубы
Всклочены,
Мозги теменью
Заколочены,
Глотки водкой смочены.

По улочкам,
Переулочкам.
Держись, Калинов-город!

— «Эй, ты, гад старый!
Не твои ль сыны
Комиссары?
Не твоя ль дочь Рива
Красива?»
Заслонил собою
Дверь своего дома
Старый Лейба.
Как на кресте,
Распялил руки:
— «Братья, — молвил, —
Слепые казаки.
Раскройте глаза,
Взгляните
На наше житье,
Посмотрите на эти руки,
Которыми
Добывал я хлеб свой!»
— «Ага! Не любишь!..»
Не елинка
На ветру скрипит,
Хая
Мечется по двору,
Голосит:
— «Ой ты, Рива, Рива,
Ты зачем так красива?
Зачем ты не камень,

Зачем не крапива?
Была бы ты камнем —
Не знала б ты муки,
Была бы крапивой —
Ожгла б злодеям руки!»
— «А ну-ка, ты, старая!»
Схватили Хаю
За руки, за ноги...
Не родиться б Хае
На белый свет,
Не водить бы ей
Милых детушек!

Самого Лейбу
Привязали накрепко
Поперек бревна,
Посреди двора.
Стали пытать,
Из живого тела
Душу мотать:
— «Скажи нам, старый,
Все ль у тебя детушки?»

Один казак догадлив:
На чердак взметнулся.

Нашел приемыша
За печной трубой,
Выволокли Ваню
На широкий двор, —
Хотят Ваню резать.
Увидал старик,
Вскинулся,
Вскричал на голос:
— «Ой, казаки,
Станичники!
Вы убили
Мою Хаю,
Убили
Всех наших детушек,
А это дитя
Не трогайте:
Не еврейское оно —
Христианское.
Только жил хлопчик
У меня в приемышах».

Осмотрели хлопца,
Видят:
Не солгал Лейба.
— «Ну, счастлив твой бог,

Старый ты чорт,
Что вступился за нашего.
Зато и мы тебя помилуем:
Отпустим душу
На покаянье,
Только выдавим
Твои буркалы,
Чтоб не видел ты
Белого света».

Тут сапожнику
Глаза выкололи,
Из-под седатых бровей
Ножом выкопали.
А выкалывая,
Приговаривали:
— «Не тебя казним,
Хрыча старого,
Мы казним
Власть советскую,
Немилую».

Закаталось
Красное солнышко,
Кровавыми слезами

В праздник и в будни
По местам людным
Ходили оба,
Склонив головы,
Просили на пропитанье.
А когда
Подавал знак поводырь,
Вздымал слепец
Свое страшное лицо,
Возвышал голос,
Звал на борьбу
За советскую власть,
За рабоче-крестьянское дело.

Слыхали люди,
Как Лейба подымал народ,
Да только не знают,
В какую сам он улегся
Братскую могилу.
А помнят его в Калинове
И поныне.

Калинов-город
Городам — город!
Высоко стоит,
Далеко смотрит,
Видит Советскую землю
До самого моря.

1925

СОДЕРЖАНИЕ

Ответ. редактор А. Зуев
Тех. редактор Н. Греймер
Уполном. Главлита В—97382

★

Тираж 6200 экз.
С. П. № 79
Сдано в производство 16/IV 1935 г.
Подписано к печати 1/IX 1935 г.

★

Количество листов 7¹/₂
Бумага 62×82 с/м
39 тип. Мособлполиграфа. Ул. Скворцова-Степанова, д. 3. Зак. № 382

ЦЕНА 6 р. 50 к.
ПЕРЕПЛ. 1 р. 50 к.

